

До самых кончиков

Автор:

Чак Паланик

До самых кончиков

Чак Паланик

Все мы – рабы собственных инстинктов, и, зная это, нами легко манипулируют политики, журналисты, маркетологи. Линус Максвелл – один из таких манипуляторов. Кто же он, человек с тысячью лиц, – промышленник, ученый, филантроп, секс-гуру?

Создавая новую линию товаров для женщин «До самых кончиков», он бросает вызов общественным идеалам и ставит во главу угла чистый гедонизм. Как далеко он готов зайти в своей одержимости совершенством?

Чак Паланик, известный ниспровергатель основ современного западного мира, в своих произведениях все ставит под сомнение. На сей раз он, похоже, замахнулся на самую табуированную из тем!

Чак Паланик

До самых кончиков

Миллиарду мужей грозит скорая отставка

Chuck Palahniuk

BEAUTIFUL YOU

© Chuck Palahniuk, 2014

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

* * *

Когда с Пенни полетела одежда, судья лишь вытаращился. Присяжные покачнулись и заерзали. Журналисты остолбенели. И хоть бы одна душа во всем зале пришла на помощь. Стенографист прилежно барабанил по клавишам, фиксируя каждое слово: «Кто-нибудь! Мне больно! Ради бога, остановите его!» Ловкие пальцы вывели: «Нет!» Затем последовала фонетическая транскрипция протяжного стога, кряхтения и визга, уступив место целому реестру криков о помощи.

Мужские пальцы выстучали: «Спасите!»

И добавили: «Прекратите!»

Будь в зале суда еще дамы, дела пошли бы иначе. Увы, Пенни оказалась в одиночестве. За последние несколько месяцев все женщины куда-то попрятались. В госучреждениях их теперь днем с огнем не сыщешь. Те, кто наблюдал за страданиями Пенни – судья, присяжные, зрители, – были сплошь мужчины. Этот мир принадлежал им.

Стенографист напечатал: «Умоляю!»

Через мгновение: «О нет! Только не сюда!»

Суетилась лишь Пенни. Сноровисто и бесцеремонно с нее сдернули слаксы до лодыжек, разодрали трусики, сделав тайное явным всякому, кто отважился посмотреть. Силясь вырваться, она отбивалась локтями и коленками. Художники в первых рядах стремительными линиями фиксировали ее борьбу: развевающиеся обрывки белья, растрепанную шевелюру. Среди публики пошли вздыматься робкие руки с мобильниками, тайком нащелкивая кому фотосувенир, кому пару-тройку секунд живого видео. Надрывные вопли словно парализовали всех в округе, эхом отражаясь от молчаливых сводов. Казалось, насилуют не одну женщину, а добрый десяток. Сотню. Весь мир визжал.

Она сопротивлялась. И не где-нибудь, а на свидетельской трибуне. Старалась сдвинуть ноги, выдавить из себя боль. Ее глаза шарили по залу в поисках встречного взгляда – ну хоть кто-нибудь! Какой-то мужчина напротив стиснул ладонями уши и зажмурился, побагровев при этом, как перепуганный мальчишка. Пенни обернулась к судье; тот сочувственно вздохнул, но так и не грохнул молотком, призывая к порядку. Судебный пристав потупился, бормоча что-то в прицепленный к лацкану микрофон. Стоя с пистолетом в кобуре, он переминался с ноги на ногу, нервно подергиваясь при каждом вопле.

Прочая публика чинно поглядывала на собственные часики или же демонстративно возилась с эсэмэсками, словно испытывала за Пенни неловкость. Тоже, нашла место орать да истекать кровью. Как будто в происходящем целиком и полностью повинна она сама.

Адвокаты съежились в своих дорогущих полосатых костюмах, деловито шелестя бумагами. Даже ее бойфренд и тот сидел как приклеенный, только челюсть отвалилась. Кто-то, должно быть, додумался-таки вызвать «неотложку», потому что через несколько минут по центральному проходу засеменяли два санитаря.

Всхлипывая и царапаясь, Пенни изо всех сил старалась не потерять сознание. Если б только удалось подняться на ноги, если б удалось вырваться, она рискнула бы удрать. Спастись. В зале суда не протолкнуться, как в автобусе в час пик, но никто не схватил насильника, не оттащил его прочь. Зрители на стоячих местах лишь попятились – все до последнего человечка, – пока не

уперлись в стенку.

Санитары продрались через толпу, и Пенни, хватавшая воздух ртом как рыба, поначалу даже не разобралась, кто друг, а кто враг. Медики принялись ее успокаивать: дескать, ты в безопасности, самое страшное позади, – пока мокрая, трясущаяся Пенни билась в истерическом ознобе. Народ кругом затравленно озирался, не зная, куда прятать глаза со стыда.

Ее уложили на каталку; один из санитаров прикрыл дрожащее тело одеялом, подоткнул края; его напарник застегнул ремни. Судья наконец взялся за молоток, объявляя перерыв.

Тот, кто застегивал ремни, спросил:

– Нынешний год сказать можешь?

Горло Пенни саднило от крика, голос охрип, но год она назвала верно.

– А кто в президентах? – продолжал расспрашивать санитар.

Пенни чуть не выдала «Кларисса Хайнд», однако вовремя спохватилась. Хайнд давно покойница. Первая и единственная женщина – президент США приказала долго жить.

– Имя свое помнишь?

Оба санитары были, разумеется, мужчины.

– Пенни. Пенни Харриган.

Они так и ахнули. Профессионально непроницаемые физиономии на долю секунды расплылись в ухмылках.

– То-то я примечаю, вроде видал где-то! – бодро заметил первый медработник.

Второй защелкал пальцами: фу-ты, на языке вертится... Наконец из него вырвалось:

- Ты же это... ну та самая!.. Из журнала!

Первый выставил перст в сторону беспомощной девушки, прихваченной ремнями к каталке.

- Пенни Харриган, - заявил он прокурорским тоном. - «Доткомовская Золушка».

Санитары взялись за каталку. Толпа расступилась, пропуская их на выход.

- А тот чувак, которого ты бросила, он разве не самый богатый перец в мире? - вспомнив что-то, поинтересовался второй медик.

- Максвелл, - подсказал первый. - Линус Максвелл.

И, будто сам себе не веря, покрутил головой.

Мало того что Пенни прилюдно изнасиловали в суде и никто даже пальцем не шевельнул, так теперь и работники «неотложки» приняли ее за дуру набитую.

- Зря ты за него не пошла, - сокрушался первый всю дорогу до лечебницы. - Сейчас бы в золоте купалась...

Корнелиус Линус Максвелл. К. Линус Максвелл. За репутацию плейбоя «желтая пресса» окрестила его Вклинусом. Миллиардер, богатейший человек на свете.

Ее те же таблоиды нарекли «Доткомовской Золушкой». Пенни Харриган и Корни Максвелл. Они познакомились год назад. Будто вечность минула. Да-а, другие были времена. И мир другой.

Лучше.

За всю историю человечества женщинам не жилось вольготнее, чем в ту пору. И Пенни это знала.

Взрослея, она повторяла про себя словно мантру: «Никогда еще для женщин не было времени лучше».

Ее мир был воплощенным совершенством. Ну, плюс-минус. Не так давно она с отличием защитила диплом юриста, однако дважды провалила экзамен на прием в коллегия адвокатов. Дважды! Не то чтобы это подорвало уверенность Пенни в своих силах, нет, но вот сама перспектива... Девушку не отпускала мысль, что после всех триумфальных побед феминисток не так уж велика заслуга стать очередной адвокатессой-карьеристкой. По крайней мере сейчас. В наши дни женщина-адвокат ничуть не более приметна, чем домохозяйка в пятидесятые. Пару поколений назад весь свет требовал бы от нее сидеть дома и растить детишек. Теперь женщине прямо-таки предписывается идти в юриспруденцию. Или в медицину. В ракетостроение. Как бы то ни было, выбор профессии предопределялся модой и текущими политическими веяниями, но отнюдь не самой Пенни.

Студенткой она всеми силами пыталась заслужить одобрение преподавателей кафедры гендерных исследований в Университете Небраски. Променила родительские чаяния на догмы ученых мужей, однако ни те, ни другие не находили отклика в ее сердце.

Правда состояла в том, что Пенелопа Энн Харриган по-прежнему оставалась хорошей дочерью – послушной, прилежной, – то бишь привыкшей жить по указке. Она всегда прислушивалась к советам людей постарше, но в душе мечтала о большем, нежели простое одобрение со стороны родных, а впоследствии и приемных родителей. При всем уважении к Симоне де Бовуар Пенни и не думала становиться третьей-волной-чего-то-там-такого. И пусть Белла Абцуг не обижается, но перспектива быть пост-кем-то тоже не прельщала. Какой смысл повторять достижения Сьюзен Антони и Хелен Браун? Нет, ей хотелось бо?льшего выбора, чем домохозяйка либо адвокат. Мадонна либо шлюха. Тянуло на нечто особенное, без душка?, без нафталина Викторианской эпохи. Нечто такое, до чего даже самые оголтелые феминистки не додумались.

Вот ей и чудилось, что причиной провала на экзамене послужила эта подспудная тяга. В душе Пенни претила мысль заниматься юриспруденцией. Ее цели были списаны с лозунгов радикалисток вековой давности: ну как же, стать

адвокатессой, соперничать с мужчинами на равных!.. А заимствованная цель – все равно что чужая ноша: тянет. С десятков миллионов женщин успели реализоваться в этой сфере. Нет уж, Пенни нужна собственная мечта, вопрос лишь в том, какая именно.

Выяснилось, что девочку-паиньку мечта обошла стороной; не явилась она и прилежной начетчице закоснелой идеологии университетской профессуры. Впрочем, Пенни находила утешение в мысли, что подобный кризис переживают все ее ровесницы. Коли свобода досталась им в наследство, они обязаны расширять границы во имя будущего поколения молодых женщин. Осваивать новые территории.

Ну а пока абсолютно новаторская, уникальная мечта не посетила ее прелестную головку, Пенни, стиснув зубы, преследовала старую: занимать низ пищевой цепочки в юридической конторе, бегать начальству за пончиками, таскать стулья для совещаний и параллельно готовиться к переэкзаменовке.

Даже сейчас, в двадцать пять, она опасалась, что момент-то, поди, упущен.

Пенни не привыкла доверять личным природным инстинктам и позывам, дико боялась, что так и не сумеет раскрыть в себе глубинные таланты и чутье. Свои особые дарования. Что вся жизнь будет растрочена на цели и амбиции с чужого плеча. Нет, ей хотелось власти, права хозяйничать – той примитивной, но неодолимой силы, что стоит выше гендерных ролей. Мечталось о первородном волшебстве, которое древнее самой цивилизации.

Набираясь храбрости перед третьим экзаменом, Пенни устроилась в «Брум, Брум и Бриллштейн», престижнейшую манхэттенскую фирму. Взяли ее, конечно, не в совладельцы, зато и не младшим стажером. Да, порой приходилось бегать в «Старбакс», что размещался на первом этаже, за полдюжиной срочных латте и капучино из сои, но ведь не каждый же день, верно? Ну-у, иногда просили притащить пару-тройку стульев для серьезных переговоров – все равно ведь не стажер? Нет-нет, пусть Пенни Харриган и не была оперившимся адвокатом, ничтожной практиканткой ее точно не назовешь.

Рабочий день в конторе тянулся медленно, хотя случались и приятные неожиданности. Сегодня, к примеру, Пенни услышала гул, отраженный башнями

нижнего Манхэттена. Грохотал вертолет, приземлявшийся на небоскреб. На крышу вот этого самого здания, только шестьдесятю семью этажами выше, доставили по-настоящему крупную шишку. Пенни стояла внизу, в вестибюле, нагруженная картонкой с полдюжиной горячих вентри-мокачино, и ждала лифта. Полированная сталь дверей отражала ее как есть. Не писаная красавица, конечно. Но и не уродка. Не дылда, но и не пупс от горшка два вершка. Блестящие, ухоженные волосы каскадом ниспадают на плечи, обтянутые скромной, но со вкусом подобранной блузкой от «Брукс бразерс».

Глаза карие. Большие и честные. А еще...

И тут ее безмятежное, чистенькое лицо – ни тебе прыщей, ни, слава богу, угрей – вдруг исчезло. Двери лифта распахнулись, и на девушку хлынула толпа здоровяков в одинаковых темно-синих пиджаках. Пиджаки двигались с агрессивной решимостью, словно на поле расчищали путь атакующей звезде американского футбола, локтями отжимая любопытствующую публику. Оттесненная в сторонку, Пенни вытянула шею, пытаясь разглядеть, из-за кого весь сыр-бор. В толпе взметнулись руки с мобильниками, нащелкивая фото и ведя съемку поверх чужих голов. За напирющей стеной из темно-синей саржи Пенни ничего не могла разобрать, однако стоило вскинуть глаза, как со всех экранчиков глядел знаменитый образ. Кругом жужжала и деловито попискивала электроника. Забормотали, зашуршали рации. С заднего плана донеслось сдавленное рыдание.

Женщина, запечатленная мириадом мобильных, вытирала щеки кружевным платочком, вымазанным слезами пополам с тушью. Не узнать этого лица – даже за огромными солнечными очками – было невозможно. А если и оставались сомнения, они отпадали при виде ослепительного голубого сапфира, качавшегося в ложбинке идеально сформированной груди. Судя по тому, что читают в очередях на кассу в супермаркетах, этот изумительный, без единого изъяна камень считался крупнейшим в истории и весил порядка двухсот каратов. В свое время он украшал лебединые шеи египетских фараонов. Римских императриц. Русских цариц. «Спрашивается, из-за чего может рыдать обладательница эдакого сокровища?» – недоумевала Пенни.

Внезапно все встало на свои места: вертолет, некая мегазнаменитость, а теперь на выход спешит вот эта травмированная жизнью красотка. Плюс к тому сегодня в графике старших партнеров ее фирмы стояло снятие показаний. По крупному иску на алименты после гражданского брака.

– Алуэтта! Алуэтта! – вырвался из толпы мужской голос. – Вы его до сих пор любите?

– Примите его обратно? – подхватила какая-то женщина.

Толпа затаила дыхание, коллективно предвкушая ответ.

Плачущая красавица, запечатленная мобильниками со всех углов и ракурсов, вздернула изящный подбородок.

– Меня не выбросят как мусор!

В видеоискателях сотни камер дернулся ее подбородок.

– Максвелл – лучший любовник из всех, кого я знала...

Вопросы сыпались дождем, но охрана уже распахнула двери, ведущие на улицу, где у обочины дожидался кортеж из лимузинов. Представление закончилось.

В центре этого ажиотажа стояла французская актриса Алуэтта д'Амбрози. Шестикратная призерша «Золотой пальмовой ветви». Четырехкратная оскароноска.

Пенни сгорала от нетерпения списаться по электронке с родителями и сообщить им потрясающую новость. В этом и заключался один из плюсов работы на «Би-Би-Би»: тут разносить кофе куда лучше, чем торчать дома. Поди встретить настоящую кинозвезду в Небраске.

Кортеж скрылся за углом. Все замороженно смотрели ему вслед, как вдруг Пенни услышала дружелюбный оклик:

– Эй, Омаха!

Голос принадлежал ее коллеге Моник. Та щелкала пальцами, пытаясь привлечь внимание подруги. На фоне Моник с ее кристалликами «Сваровски», наклеенными на фарфоровый лак маникюра, с ее длинными дредами,

вплетенными бусинами и перьями Пенни сама себе показалась серым воробышком.

– Нет, ты видела! – зачастила она. – Это же Алуэтта д’Амбрози!

Моник протиснулась ближе.

– Слушай, Омаха, тебя на шестьдесят четвертом все обыскались. – Она ухватила Пенни за локоть и потащила к лифту. Стаканчики горячего кофе в картонке заходили ходуном, угрожая в любую секунду расплескаться. – Старикашка Бриллштейн созвал большой военный совет, и им срочно нужны стулья.

Выходит, она угадала. Сегодня берут показания в деле «д’Амбрози против Максвелла». Все знали, что иск затеян из чистой вредности. Богатейший мужчина встречался с роскошнейшей из женщин на протяжении ста тридцати шести дней. Пенни знала о романе в подробностях благодаря очередям в супермаркете. Нью-йоркские кассирши напоминают осенних мух: пока расплатишься за подтаявший пломбир, успеешь прочитать «Нэшнл инкуайрер» от корки до корки. Если верить таблоидам, во время совместного отдыха на Фиджи мультимиллиардер подарил возлюбленной огромнейший сапфир. Ах, Фиджи, архипелаг мечты!.. А потом взял и разорвал отношения. Будь на их месте другая пара, на том бы все и кончилось, но за ними ведь наблюдал весь мир! Скорее чтобы сохранить лицо, уязвленная пассия потребовала пятьдесят миллионов долларов в качестве компенсации за моральный ущерб.

Не успели приятельницы шагнуть в лифт, как вслед раздалось:

– Эй, шельмочка!

Обе девушки обернулись как по команде – в их сторону спешил улыбающийся молодой человек в полосатой деловой «тройке». Лавируя среди народа в вестибюле, он уже подбегал к лифту.

– Меня обождите!

Ему оставалось всего ничего, когда Моник всерьез взялась за кнопку закрытия дверей. Посверкивая кристалликами на ногте, ее большой палец затрепетал,

словно морзянкой отбивая сигнал бедствия. Впрочем, за полгода жизни в Нью-Йорке Пенни еще не доводилось видеть, чтобы на кнопку лифта жали меньше двадцати раз подряд. Двери захлопнулись перед самым носом юного адвоката.

Его звали Тэд, и он при каждой встрече заигрывал с Пенни. Даже придумал для нее якобы ласкательное прозвище: «шельмочка». Мать наверняка записала бы его в завидные женихи, но у самой Пенни на этот счет были серьезные сомнения. Она инстинктивно чуяла, что Тэд подкатывает к ней лишь ради того, чтобы сблизиться с Моник. Типичная схема: парень добивается расположения смазливой девицы, заигрывая с ее вонючей жирной собачкой.

Хотя Пенни определенно не воняла. И особо жирной не была.

Да и саму Моник эта ситуация не очень-то задевала. Ее ушлую натуру прельщали фондовые менеджеры и свежее испеченные русские олигархи. Моник не стесняясь заявляла, что предел ее мечтаний – жить в собственном особняке в Верхнем Ист-Сайде, день-деньской валяться в кровати и грызть вафли с фруктовым муссом. Она издала притворный вздох облегчения, заодно бросив:

– Слушай, Омаха, дай уже бедолаге пристроить головастика в твоем болотце.

Однако Пенни не обольщалась ни его подмигиваниями, ни призывным посвистом. Для него она – уродливая собачка. Трамплин.

В лифте Моник смерила приятельницу оценивающим взглядом, затем подбоченилась и погрозила пальчиком сплошь в сверкающих камнях. Капризно выпятила губки, на которых переливались три оттенка бордового блеска, и заявила:

– Фигурка у тебя чистое ретро.

Смахнула с лица унизанную бусинками прядь.

– Рада, что ты не комплексуешь из-за широких бедер.

Пенни неуверенно приняла комплимент.

Моник была подругой по работе, а это вовсе не то, что настоящая подруга. Здешняя жизнь сильно отличалась от жизни Среднего Запада. В Нью-Йорке нужно держать марку.

В большом городе каждый жест должен демонстрировать превосходство, а каждая деталь женского туалета – свидетельствовать о статусе. На Пенни вдруг накатила стеснительность, и она прижала к себе картонку с теплым кофе, словно плюшевого мишку.

Моник скосила глаза – и отпрянула в припадке ужаса. Судя по ее перекошенной физиономии, у Пенни по лицу прогуливался как минимум тарантул.

– Скатайся в Чайнатаун... – начала Моник, пятясь. – Там мигом уберут эти жуткие усы. – И театральным шепотом добавила: – Стоит гроши, даже ты потянешь.

Пенни выросла на ферме в Шиппи, штат Небраска, но и там куры заклевывали своих товарок с бо?льшим тактом.

Похоже, некоторые особи понятия не имеют о всемирной женской солидарности.

Сразу по прибытии на этаж девушек обнюхали четыре немецкие овчарки. На предмет взрывчатки. Псов сменил тучный охранник с металлоискателем.

– Мы почти на военном положении, – пояснила Моник. – Из-за визита сама-знаешь-кого эвакуировали всех с шестьдесят четвертого до крыши. – В своей обычной развязной манере она толкнула локтем Пенни. – Стулья, девочка. Взять!

Подумать только. За «Би-Би-Би» водилась репутация самой влиятельной юрфирмы страны, а тут на тебе: вечная нехватка посадочных мест! Как в той салонной забаве: не успеешь вовремя приземлиться, будешь стоять. Пока какую-нибудь мелкую сошку вроде Пенни не пошлют раздобыть тебе стул.

Пенни тыкалась во все подряд двери, но те не поддавались. Коридоры подозрительно опустели, а возжеленные стулья решением своих предусмотрительных хозяев оказались надежно заперты в кабинетах, и видеть их можно было лишь через дверные окошечки. Благоговейная тишина, обычно царящая на начальственных этажах, сейчас почему-то пугала. От обшитых

деревом стен с изысканными пейзажами Гудзонского залива не отражались ни голоса, на шаги. Едва откупоренные и наспех отставленные бутылочки с минералкой «Эвиан» еще шипели, истекая газом.

Это же надо: четыре года убить на гендерные исследования, а после еще два, чтобы теперь таскать стулья обленившимся или обнаглевшим сотрудникам! Унижение неприкрытое. Да-а, перед родителями тут точно не похвастаешь.

Раздраженно загудел сотовый – Моник. Прислала эсэмэску: «СЕСТРНК ГДЕ СТЬЛЯ?!» Пенни металась по коридорам, едва удерживая картонку с кофе, и на ходу дергала неподдающиеся ручки. Еле переводя дух, скача загнанной лошадью от одного запертого кабинета к другому, она уже утратила всякую надежду, как вдруг очередная дверь неожиданно поддалась. Пенни потеряла равновесие и ввалилась в офис, попутно расплескивая кофе. Приземлиться удалось на нечто весьма мягкое – ни дать ни взять лужайка из клевера. Распластавшись на животе, девушка видела лишь сплетение зеленых, алых и желтых бутонов. Там и сям, сплошные цветы. Сад, она угодила в сад! Среди нежных роз и лилий выглядывали экзотические птички. И что интересно, прямо перед носом маячил до блеска начищенный ботинок. Мужской. Кожаный мысок замер в угрожающей близости от девичьих зубов.

Никакой это не сад, а птахи с цветами – просто узор на персидском ковре. Ручная работа, чистый шелк; такому ковру место лишь в одном кабинете на всю «Би-Би-Би»-контору. Уж на это сообразительности у Пенни хватало. Она поймала собственное отражение в темном блеске полированной кожи: физиономию едва видно за липкими от кофе волосами, щеки пунцовые, челюсть отвалилась, сама дышит как собака – грудь ходуном ходит. От падения юбка задралась, явив на всеобщее обозрение известные холмы. Слава тебе, Господи, за олдскульные хлопковые трусы! Будь это какие-нибудь дерзкие стринги, со стыда бы умерла.

Взгляд переехал с лакированного ботинка выше, на крепкую жилистую лодыжку, обтянутую носочком в ромбиках. Лихой золотисто-зеленый узор не прятал упругих мышц. Над носком нависала серая штанина с идеально отутюженной складкой. Элегантный покрой фланелевых брюк подчеркивал мускулистые бедра. Ноги длинные. Не иначе теннисист, подумала Пенни. По шаговому шву взгляд сам собой, как по рельсам, доехал до изрядного вздутия в промежности, будто там прятался кулачище.

Горячее и мокрое защекотало девичий живот. Галлон убойной смеси из соево-диетического латте-моккачино-венти-макиато с пониженным содержанием кофеина проник сквозь одежду и ручьями растекался по бесценному ковру.

Даже в тусклом блеске кожаного ботинка было видно, как усилился ее румянец. Пенни нервно сглотнула.

Внезапно мужской голос нарушил зачарованную тишину. Прозвучал он решительно, хотя мягкостью не уступал персидскому шелку.

– Разве мы знакомы? – с насмешливой озадаченностью произнес мужчина.

Пушистые ресницы Пенни затрепетали. Откуда-то издали проступило лицо. Серый фланелевый костюм венчали знаменитые черты, хорошо ведомые любому читателю супермаркетных таблоидов. Голубые глаза, на лбу светлая мальчишеская челка. От вежливой улыбки играют ямочки. Лицо гладко выбритое, приятное и безмятежное, как у куклы. Между бровями и на щеках ни складки; человек живет без забот и хлопот. Хотя из таблоидов Пенни помнила, что ему стукнуло сорок девять. И по едва заметным «гусиным лапкам» не скажешь, что их обладатель привык улыбаться.

Не поднимаясь, Пенни так и ахнула:

– Это же он! – Всхлип. – В смысле, который вы!

Клиентом фирмы он не числился. Ровно наоборот, ему предстояло быть ответчиком в деле о моральной компенсации. Надо думать, сюда его пригласили для дачи показаний.

Мужчина расположился в гостевом кресле с резной спинкой. Настоящий чиппендейл, обитый алой кожей. От мебельной политуры и обувного крема щипало в носу. Все стены были увешаны дипломами и заставлены стеллажами с томами по юриспруденции в кожаных переплетах.

За спиной гостя виднелся могучий стол красного дерева; после едва ли не вековой ручной полировки пчелиным воском столешница теперь отливала темно-малиновым. На дальнем конце стола вырисовывался сутулый силуэт с не

менее багровой – в тон обстановке – лысиной, усыпанной старческой гречкой. Глаза слезятся, лошадиная физиономия перекошена от злости, тонким трясущимся губам не спрятать испорченные никотином вставные зубы. На всех дипломах и сертификатах каллиграфическим почерком выведено: «Альберт Бриллштейн».

В ответ на ее нелепое бормотание тот, что помоложе, галантно осведомился:

– Кто же вы, юная леди?

– Ровным счетом никто, – рявкнул из-за стола старший совладелец фирмы. – Ей тут вообще не место. Она сопля на побегушках, трижды завалившая экзамен в адвокатуру!

Пенни вздрогнула как от пощечины и, пристыженно отведя взгляд от голубых очей, вновь поймала свое отражение в зеркальной глади ботинка. А ведь шеф прав. Она ноль без палочки. Подиподайка. Неотесанная деревенщина, приехавшая в Нью-Йорк в поисках... как ее... лучшей доли. Типа того. Жестокая истина: ведь ей и вправду светит не сдать пресловутый экзамен. Так и будет перебирать бумажки, подносить кофе – и до конца своих дней не видеть ей чего-то замечательного, чудесного.

Не дожидаясь, пока она встанет, мистер Бриллштейн скомандовал:

– Вон! – Ткнув костлявым пальцем в сторону двери, он рявкнул: – Убирайся!

В кармане блузки зашелся дрожью мобильник. Можно даже не смотреть, и так ясно, что это Моник пылает праведным гневом.

Бриллштейн прав. Ее место не здесь, а где-нибудь в пригороде Омахи. Выйти там замуж за незлобивого выпускника «Сигма хи», родить ему пару ребятишек, и чтобы третий был уже на подходе. Да, такова ее доля. Ходила бы сейчас в детских слюнях вместо эспрессо.

Ее отражение в ботинке съежилось до размеров Алуэтты д'Амбрози на экранчиках мобильных. На глаза навернулись слезы, одна предательски скатилась по щеке. От ненависти к самой себе хотелось кричать. Пенни

украдкой смахнула соленую каплю в надежде, что никто не заметит. Упираясь руками в ковер, она попробовала встать, однако смесь из карамели, взбитых сливок и шоколадного сиропа держала намертво. Даже если выйдет подняться, блузка наверняка промокла и теперь просвечивает.

При всем своем невинно-добродушном оттенке голубые глаза смотрели на нее не мигая, под стать настоящей камере. Фиксировали, взвешивали, запоминали. До красавца ему так же далеко, как и ей, зато какой волевой подбородок! Так и веет уверенностью в себе.

– Мистер Максвелл, – залезбил Бриллштейн, – прошу прощения за сей жуткий инцидент. – Он схватил телефон и потыкал в кнопки. – Не беспокойтесь, нахалка покинет это здание немедленно. Охрана! – рявкнул он в трубку.

Судя по яростному тону, Бриллштейн явно вознамерился скинуть ее с крыши.

– Позвольте помочь, – предложил блондин, наклоняясь ближе.

На пальце сверкнул массивный камень. Позже Пенни узнает, что это третий по величине рубин, добытый в Шри-Ланке. Раньше сей великолепный камень принадлежал султанам и махараджам, а теперь стал ее шансом на спасение. Ладонь, стиснувшая руку девушки, оказалась на удивление прохладной. Не менее поразительная сила вздернула ее на ноги, а затем губы – те самые, что целовали кинозвезд и принцесс крови – промолвили:

– Поскольку вечер у вас освободился, не согласитесь поужинать со мной?

Продавщица в «Бонвит Теллер» смерила Пенни пренебрежительным взглядом.

– Что-то интересуется? – ехидно осведомилась она.

Пенни бежала к магазину все восемь кварталов от метро и никак не могла отдышаться.

– Платье? – неуверенно пробормотала она. И уже решительнее добавила: – Вечернее.

Продавщица оглядела клиентку с ног до головы, не упуская ни единой детали. От ее внимания не ускользнули ни до трагичности контрафактные туфли от «Джимми Чу», купленные на распродаже в Омахе, ни сумочка с потрепанным ремешком и пятнами от орехового пирога. Френч а-ля «Бербери» не скрывал блузки, заляпанной кофе со сливками, так что от самой платформы ее преследовали мухи, учуявшие запах сладкого. Непринужденным жестом Пенни попробовала отогнать назойливых насекомых. Человеку непривычному она, должно быть, казалась городской сумасшедшей. Продавщица затягивала с решением, и Пенни захотелось развернуться – хотя бы и на сбитых каблуках, – чтобы показать спину чванливой дамочке.

Та, в свою очередь, изрядно смахивала на светскую львицу с Манхэттена. В «Шанели» от макушки до пят. Маникюр безупречен. Никаких тебе мух на светлом челе без единой морщины. Даже над идеальной укладкой, подлые, не вьются.

Наконец продавщица равнодушно процедила:

– Для спецоказии?

Пенни открыла было рот объяснить ситуацию, но вовремя прикусила язычок. Первый мужчина на свете пригласил ее отужинать. Скажем, в восемь? – предложил он. В «Ше ромен»? В самом дорогом заведении города, если не всего мира. Столик там заказывали за несколько лет вперед. Лет! Он даже согласился не заезжать за ней, а встретить на месте. Не хватало, чтобы миллиардер увидел ее квартиру – на шестом этаже, лифта сроду не было, – которую Пенни делила с двумя соседками. Конечно, она прямо умирала от желания похвастаться. В хорошие новости начинаешь сам верить, лишь когда поделишься ими с как минимум дюжиной человек. Но эта спесивая особь из «Бонвит Теллер» просто лишний раз убедится, что Пенни – чокнутая бомжиха, приперлась тратить ее драгоценное время.

На кончик носа уселась муха, и Пенни махнула рукой. Успокойся наконец. Она не чокнутая. И отступать не намерена. Стараясь не подпустить в голос страху, она сказала:

– Покажите мне вечернее платье из сезонной коллекции «Дольче и Габбана». Которое с присборенной талией.

Продавщица хитро прищурилась, уточняя:

– А-а, из креп-шифона?

– Нет, атласное, – торжествующе улыбнулась Пенни. – С ассиметричным подолом.

Все-таки стояние в очередях не прошло даром. Именно в таком наряде Дженнифер Лопес прошла по красной дорожке на прошлогоднем «Оскаре».

Зловредница оценивающе оглядела ее фигуру:

– Четырнадцатый размер?

– Де-ся-тый, – отбила удар Пенни. Она знала, что у нее мухи в волосах, зато носила их будто черный таитянский жемчуг.

Продавщица поплелась разыскивать платье, и Пенни почти взмолилась, чтобы та пропала без вести. Чистое безумие! Да она в жизни не тратила на шмотки больше полусотни долларов зараз – и тут на тебе: просит наряд под пять тысяч. Несколько нажатий клавиш, и на экране мобильного высветился ее кредитный лимит: получалось впритык. Но! Если все-таки оформить покупку, поносить платье буквально пару часов – чисто для ужина, – а утром под тем или иным предлогом вернуть, воспоминаний и рассказов хватит до конца жизни. Главное, отдавать себе отчет в реальности. Сегодня вечером ее счастливый шанс, пусть и крохотный. Корнелиус Максвелл славился широкими жестами. По-другому это приглашение не объяснишь. Он увидел ее униженной, растекшейся по ковру перед злобным боссом, и теперь хотел вернуть ей чувство самоуважения. Поистине рыцарский поступок.

А из таблоидов Пенни знала, что Корнелиус Максвелл был настоящим рыцарем.

Они мало чем отличались по происхождению. Родился в Сиэтле, рос без отца, мать вкалывала медсестрой, и Максвелл с детства мечтал обеспечить ей блестящую жизнь. Однако мама погибла. Ехала в автобусе, тот куда-то врезался. Произошло это, когда Корнелиус уже учился в аспирантуре Вашингтонского университета. Год спустя он основал «ДатаМикроКом» в комнате студенческой

общаги, а еще через год вошел в сотню самых богатых предпринимателей мира.

Одной из первых в череде его сногшибательных подруг была Кларисса Хайнд, слабейшая кандидатка в сенат Нью-Йорка. Благодаря финансовой поддержке и политическим связям любовника она победила и еще до окончания первого срока нацелилась на звание самого молодого сенатора. СМИ просто боготворили эту пару: миниатюрная сенаторша и харизматичный миллиардер-компьютерщик. Его деньги, помноженные на ее упорство, обеспечили ей уверенную победу на выборах. Вжжик – скачок во времени – и три года назад Кларисса Хайнд воплощает не только свои амбиции, но и мечту миллионов американок: впервые в истории пост президента США занимает женщина.

На протяжении всей этой сказочной эпопеи Корни Максвелл постоянно был рядом, без устали разъезжал по стране, нахваливая подругу, поддерживал ее как на публике, так и наедине. Но пожениться не поженились. Ходили слухи про выкидыш. Поговаривали даже, что она предлагала ему должность вице-президента, но сразу по завершении выборов вышел пресс-релиз, где объявлялось о распаде их тандема. На совместной пресс-конференции госпожа президент и ее неотразимый спутник вещали о взаимном уважении и крепкой дружбе, однако романтическая страница их отношений была уже перевернута.

Пенни понимала, что такой успех требует огромной самоотдачи и жертв, но на снимках папарацци все смотрелось просто и безболезненно. Ведь это президент Хайнд подтолкнула ее стать адвокатессой. А может, помечтаем? Вдруг Корни Максвелл ищет новую протезе? А что, взял да углядел в ней скрытый потенциал. И сегодняшняя встреча – как бы собеседование, и если все сложится, Пенни Харриган займет ведущее место на мировой арене. Войдет в круг избранных.

Жирная муха залетела ей в рот, оборвав сладостные грезы. Наяву, стоя в отделе женского платья, Пенни раскашлялась и принялась отплевываться.

Вот так всегда. Только поддайся, раскатай губы, как жизнь найдет способ уязвить тебя в самое сердце. Речь-то идет о К. Линусе Максвелле, который меняет дам как перчатки. После Клариссы он закрутил роман с представительницей британской королевской семьи. С принцессой, ни больше ни меньше, да не с какой-нибудь уродиной, продуктом кровосмешения. Э-э нет, эту неуклюжей душой не назовешь. Принцесса Гвендолин была красавицей. Стояла третьей по линии наследования престола; без двух минут королева. И

вновь они смотрелись идеальной парой: европейская аристократка и гениальный янки: хай-тек, ноу-хау, все дела. Мир ждал: ну чего тянете, объявляйте дату!.. После того как короля свалила анархистская пуля, Корни поддерживал рыдающую принцессу на папиных похоронах. Ну а когда нелепейший случай – вообразить только: тебе не снег, а космический спутник сваливается на голову! – унес жизнь ее брата-кронпринца, коронация Гвендолин стала лишь вопросом времени.

По всему выходило, что жить бы Корни Максвеллу в Букингемском дворце да радоваться. Увы, история повторилась. Магнат и аристократка расстались теплыми друзьями.

Итак, он дважды увильнул от брака с влиятельнейшими женщинами на земле.

Если верить слухам, Максвелл боялся женщин статусом выше себя, чем и заработал презрение таблоидов. Однако Пенни вслед за большинством считала, что К. Линус Максвелл в душе так и остался сиротой, который ищет замену утраченной матушке, чтобы излить на нее потоки нежности и денег.

Все его бывшие пассии только выиграли от этой связи. Кларисса Хайнд из застенчивого новобранца в политике прыгнула в лидеры свободного мира. Принцесса Гвендолин, при всей своей красоте полноватенькая, за время отношений с магнатом живо сбросила лишний вес и теперь дает фору любой модели с обложек модных журналов. Даже Алуэтта поборола своих демонов. Таблоиды взалхлеб писали о пьяных выходках, приправленных наркотой, но Максвелл взялся за нее и вылечил. Его любовь сделала то, чего не вышло у десяти программ принудительной реабилитации по решению суда...

Затрясся мобильный. Моник. На сей раз о стульях ни слова, только истеричное «ПЗВН СРЧН!!!». В «Би-Би-Би» все, поди, уже в курсе. Эх! Пенни даже расстроилась. Как-то неловко стоять в одном ряду с президентшей Хайнд, ее высочеством Гвендолин и Алуэттой д'Амбрози. И кто там был еще? Вроде бы поэтесса, лауреат Нобелевской премии. Потом японка, наследница сталелитейной империи. Владелица сети газет. Хрустальная туфелька так никому и не пришлась впору.

Пенни старалась об этом не думать, но еще часы не пробьют полночь, как может решиться ее судьба.

Ответить на эсэмэску она не успела: появилась продавщица с полосой алого шифона через руку. Подведенная карандашом бровь скептически надломлена.

– Прошу. Десятый размер, – мстительным тоном сообщила она и сделала знак следовать за ней в примерочную.

Президент Пенни Харриган. Миссис К. Линус Максвелл.

Внутри все пело. Завтра ее имя крупным шрифтом появится среди звезд, и не где-нибудь, а на шестой странице «Пост». Ух, завтра эта выскочка из «Бонвит Теллер» узнает, кто такая Пенни. Да завтра весь город о ней узнает!

Впрочем, при любом раскладе с платьем нужно обращаться крайне осторожно.

Сейчас три часа. Ужин в восемь. Времени как раз чтобы сходить в салон красоты на эпиляцию ног воском, уложить волосы и позвонить родителям. Может, хоть так удастся поверить в происходящее.

– У вас ведь действует система возврата? – семена за продавщицей, обеспокоенно поинтересовалась Пенни. И заодно скрестила пальцы, чтобы «молния» сошлась снизу доверху.

* * *

Гуань Ци и Эсперанса были идеальными соседками для квартирки-студии в Джексон-Хайтс. Месяцами ранее, помогая Пенни укладывать чемодан, мать с высоты возраста и прожитых лет настоятельно советовала взять в соседки китаянку и кого-нибудь из латиноамериканок.

Пусть предки Пенелопы и впадали порой в расизм, но строго в интересах дочери. В мультикультурном, этнически неоднородном домохозяйстве меньше шансов, что девушки будут пользоваться общей косметичкой. Во-первых, косметика нынче дорогая, а если ее всем подряд одалживать, можно запросто заразиться тем же стафилококком. Что ж, здравый совет. Ни герпес, ни клопов никто не отменял. Вот тебе родительская мудрость, соль земли. Мотай, как говорится, на ус.

Однако вопреки самым благим, хотя бы и по-деревенски наивным намерениям родичей, юное поликультурное трио быстро сблизилось, и девушки всю делились нарядами, секретами и даже контактными линзами. Мало что оставалось за рамками.

Эсперанса, жгучая латиноамериканка с высокой грудью и темными лукавыми глазами, притворно негодовала по бытовым пустякам: банальная смена лампочки или мытье посуды неизменно сопровождалось ее темпераментным «Ай-яй-яй, карамба!». Всякий раз эти стереотипные – как под копирку – вспышки гнева веселили Пенни чуть ли не до колик. Соседка явно не тяготилась условностями и не чуралась самоиронии. Сам факт, что Эсперанса могла швырнуть на пол богато украшенное сомбреро и устроить вокруг него танцы, свидетельствовал о свежем, не скованном политкорректностью самосознании.

Тихая и безжалостная Гуань Ци была полной противоположностью вспыльчивой сеньорите. Азиатка бесшумно передвигалась по тесной квартирке, стирала пыль с плинтусов, подстригала свой бонсайчик, складывала свисающий край туалетного рулона в оригами-сюрприз для следующего посетителя санузла. Словом, в общем и целом превращала хаос в порядок. Ее безмятежное лицо и манеры действовали как бальзам на рану. А каскад густых, черных как смоль волос не шел ни в какое сравнение с конским хвостиком Пенни.

За пару часов до знакового ужина Пенни умолила соседок призвать на помощь все свое искусство, чтобы довести до совершенства ее облик. Пусть Эсперанса покрасит ей глаза в тон гаванского заката, а от Гуань Ци она хотела, чтобы та уложила ей волосы... э-э... ну как бы снопами, что ли. Из тяжелого шелка. Подруги трудились без устали, обхаживая ее, как свидетельницы – нервную невесту. Совместными трудами Пенни нарядили и причесали.

Шикарное платье и вовсе сделало из нее нечто ослепительное. Гуань Ци дополнила образ элегантным кулоном из ярко-зеленого нефрита в форме дракона с глазами-жемчужинками. Настоящая семейная реликвия. Эсперанса тоже не ударила в грязь лицом, одолжив любимые серьги: крошечные пиньяты, инкрустированные стразами. Не важно, поверили девушки в историю про ужин с богатейшим человеком на свете или нет; обе увлажненными глазами взирали на преображенную подругу.

Звонок в дверь. Такси заказывали? Подано.

В последнюю секунду, затаив дыхание, Пенни нырнула в ванную за серой пластиковой коробочкой, припрятанной там с незапамятных времен. В ней лежала ее диафрагма. Тридцатиграммовая броня, которая не потребовалась аж с зимнего бала на старшем курсе. Лихорадочно шаря по полкам, Пенни гадала, не испортился ли контрацептив от затяжного безделья. А если латекс пересох и стал ломким, как порой случается с презервативами? Вдруг колпачок потрескался? Или вообще пошел плесенью? Выхватив коробочку из недр выдвижного ящика, она открыла ее – и ахнула. Пусто!

Притопывая ногой с наигранной свирепостью, Пенни приперла соседок к стенке. Потрясла у них под носом уликой, на которой значилось: «Пенелопа Харриган», дальше шли имя и адрес семейного терапевта в Омахе. Выставив коробочку на кухонный столик подле ржавого, заляпанного жженым сыром тостера, она решительно заявила:

– Сейчас я выключу свет и сосчитаю до десяти. Договорились? – Лица обеих товарок оставались непроницаемыми. Никто не покраснел, не потупился. – Обещаю, без претензий.

Щелкнул выключатель, и кухня погрузилась во мрак. Отсчет пошел.

В темноте послышалось тихое хлюпанье, потом сдавленный смех.

– ...восемь, девять, десять.

Лампочка вспыхнула, озарив законное содержимое коробочки. Розоватая диафрагма поблескивала от свежих вагинальных выделений с бесстыдно налипшим лобковым волоском. Пенни напомнила себе сполоснуть штуковину, если нынешним вечером все сложится.

* * *

Закон подлости не заставил себя ждать. Такси безнадежно застряло в пробке, да еще в туннеле, где не ловил мобильник. Вот так всегда. Водитель бурно извинялся, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. Сказал, что она шикарно выглядит.

Обычный комплимент из вежливости. Да за такие деньги грех плохо выглядеть! К величайшей досаде продавщицы, платье уселось на юном теле как влитое. Новенькие лодочки от «Прада», купленные под занавес – гулять так гулять! – смотрелись просто изумительно. Впрочем, Пенни хватало ума осознавать, что ослепительной красоты из нее не получится.

Хотя бы мухи над головой не роятся, и то спасибо. И вообще, все лучше, чем жить на Среднем Западе.

Небраска и Пенни не сочетались. Ни в какую. Что в юности в Омахе, что в детстве в Шиппи, она вечно чувствовала себя белой вороной. Начать хотя бы с того, что она никак не походила на своих крепко сбитых косолапых родителей, классических представителей ирландской диаспоры, все в веснушках, рыжие-прерыжие. А вот Пенни от природы досталась кожа цвета «персик со сливками». И светлая, как кора березы. Переезд в Нью-Йорк, родители тоже, разумеется, не одобрили.

Несколькими минутами ранее, усаживаясь в такси, Пенни позвонила в Омаху сообщить грандиозную новость и, услышав в трубке голос матери, спросила:

– Мам, ты сидишь?

– Артур! Скорее, дочь звонит! – крикнула та в сторону.

– У меня потрясающие новости, – зачастила Пенни, косясь на водителя в надежде, что тот подслушивает.

– У нас тоже! – воскликнула мать.

Раздался щелчок, и к разговору подключился отец.

– Твоя маменька вырастила помидор – ну вылитый Дэнни Томас!

– Обязательно пришлю тебе фото, – пообещала мать. – Такое надо видеть!

– Так что у тебя стряслось, сладкая? – спохватился отец.

Пенни выдержала паузу для пущего эффекта и заговорила нарочито громко, в расчете на таксиста:

– У меня свидание с К. Линусом Максвеллом.

Родители отреагировали не сразу.

Чтобы сэкономить на счетах за свет, отец пил кофе прямо в туалете. Мать лелеяла мечту о водяном матрасе. На день рождения предки регулярно посылали ей Библию с вложенной двадцатидолларовой купюрой. Вот вся их суть в двух словах.

– Вы вообще в курсе, кто такой К. Линус Максвелл? – напомнила о себе Пенни.

– Конечно, милая, – ровным голосом откликнулась мать. – Не в деревне живем.

А Пенни ждала их восторженных возгласов. Недоверчивого аханья. Да чего угодно!

В итоге отец заметил:

– Пенпенчик, мы любим тебя такой, какая ты есть. Брось выдумывать всякие глупости, чтобы нас впечатлить.

Ее называли лгуньей.

В этот-то момент таксист и заехал под реку. Связь оборвалась. Квартирные соседки тоже ей не поверили, зато суетились вокруг, накладывая тени и подводку, как самые настоящие подружки невесты. Завтра всем им придется поверить. Да она бы не стала заморачиваться по поводу внешности, не полезла бы из кожи вон ради лишь Максвелла. Сегодня ее узрит весь мир. Она войдет в ресторан никем, а к десерту станет знаменитостью. Завтра даже кумир Пенни, президент Хайнд, узнает о ее существовании.

По соседству от такси, в той же пробке, торчал черный седан с двумя мужчинами, смахивающими на телохранителей Алуэтты д'Амбрози: оба в дорогих темно-синих костюмах и зеркальных солнечных очках. На суровых

угловатых лицах ни тени эмоций. Ни один не повернул головы в сторону Пенни, хотя она по опыту прекрасно знала, что и тот и другой глаз с нее не сводят.

Незнакомцы преследовали Пенни с раннего детства. Нарочито медленно ехали следом или парковались напротив школы и пялились. Иногда тащились пешком, держась на почтительном расстоянии. Как правило, по двое, порой по трое – в одинаковых темных костюмах и зеркальных солнечных очках. Волосы коротко стриженные, тщательно причесанные. Остроносые ботинки ярко блестят, даже когда преследователи, подобно двуногим гончим, брели за ней по мокрым от дождя футбольным полям или песчаным пляжам озера Манава.

Зимним полднем, когда редели сумерки, таинственный эскорт тенью следовал за Пенни по опустевшим фермерским угодьям, петляя среди высохших, потрепанных ветром стеблей кукурузы по дороге из школы домой. Порой один из соглядатаев оттягивал лацкан и бормотал пару слов в пришпиленный микрофон. Другой делал знак вертолету, который также отслеживал каждый ее шаг. Иногда высоко в небе над ней кралась машина дирижабля. И так изо дня в день.

Сколько Пенни себя помнила, загадочные спутники тайно сопровождали ее по жизни. Причем всегда на периферии зрения. Вечно на заднем плане. Сто к одному, что сегодня они явятся в «Ше ромен».

Страха таинственные незнакомцы не внушали; напротив, с ними она чувствовала себя под надежной защитой. Впервые заметив слезку, Пенни решила, что за ней по пятам ходят агенты национальной безопасности, положенные всякому уважающему себя американцу. Все больше проникаясь симпатией к своим сторожам, она воспринимала их не иначе как ангелов-хранителей. И звание это они оправдали не единожды.

Как-то раз угрюмым зимним вечером она возвращалась домой по полю гниющего силоса. Вечернее небо своим цветом напоминало синяк. Ледяной воздух зловеще пропитался смрадом. И тут откуда ни возьмись обрушился убийственный смерч, выдавливая грязную пену из почвы и валя молочную скотину направо и налево. Мимо со свистом проносился острый как бритва сельскохозяйственный инвентарь. Градины размером с кулак колотили по юной голове.

Пенни уже решила, что ей конец, как вдруг неведомая сила повалила ее в канаву, а сверху навалилась мягкая, но неумолимая тяжесть. Мощи торнадо хватило лишь на пару секунд. Мягкая тяжесть приподнялась, и Пенни вмиг узнала одного из хранителей. Незнакомец в замаранном грязью костюме деликатно отстранился и зашагал прочь, не дожидаясь благодарности. Словом, проявил себя не пассивным наблюдателем, а настоящим героем. В тот вечер он спас ей жизнь.

Много лет спустя, когда Пенни поступила в колледж, накачанный пивом старшекурсник из «Дзета дельты» затащил ее в грязный подвал. Случилось это на пике празднования Клятвенной недели [1 - Традиция американских вузов: перед зачислением в те или иные студенческие братства или «сестричества» первокурсники проходят обряд инициации, который может занимать от недели до месяца и более. В программу входит, например, устройство благотворительных мероприятий, зубрение «устава» на полуночных посиделках, неукоснительное соблюдение разных обязательств и прочее. Практика далеко не однозначная, коль скоро дает простор ритуальным издевательствам. Названия же этим организациям принято давать греческими буквами – «Сигма хи», «Дзета дельта» и т. д. – согласно девизу, порой тайному. Например, у знаменитой «Фи бета каппа» девиз философия био кибернетес: «философия – путеводитель по жизни». – Здесь и далее примечания переводчика.]. Возможно, Пенни пообещала ухажеру лишнего, а когда пошла на попятную, тот в порыве злости распластал ее на полу, прижимая упирающееся тело коленками. Нарядное выходное платье лопнуло под беспощадным натиском мускулистых рук. Справившись с «молнией» на штанах, насильник извлек свой багровый инструмент. Однако даже в такой безвыходной ситуации Пенни повезло.

Хвала небу за агентов национальной безопасности, подумала Пенни, заметив, как от стены отделился незнакомец в серой фланели. Он мастерски вмазал нападавшему под дых и, пока несостоявшийся насильник ловил ртом воздух, Пенни успела удрать.

После переезда ангелы-хранители опять-таки ее не покидали. Неоновые огни Большого Яблока отражались в зеркальных очках, а их обладатели по-прежнему наблюдали за ней издалека. В том числе в «Бонвит Теллер». И в «Би-Би-Би»-конторе, не снимая фирменных очков даже в помещении. По мнению Пенни, они охраняли ее, как наверняка охраняли всех без исключения добропорядочных американцев. Ежеминутно.

Пока она была занята своими мыслями, пробка рассосалась. Такси подрулило к парадному входу «Ше ромен». Подскочил швейцар, распахнул дверцу. Пенни расплатилась и перевела дух. Мобильник показывал четверть девятого. Опоздала-таки.

Вот и последние секунды, чтобы проверить, все ли в порядке. Главное, мух нет.

Судя по репортажам «Нэшнл инкуайрер», Дженнифер Лопес и Сальма Хайек не появлялись на красной дорожке без эскорта. Но у Пенни Харриган не было выбора. Мистера Вклинуса тоже не видно. Штат фотографов, дежуривший за плюшевым канатом, не удостоил ее взглядом. Никто не спешил заполучить ее снимок, не комментировал в микрофон, как шикарно она выглядит, не расспрашивал про платье. Подъехала новая машина. Швейцар снова бросился открывать дверцу, и Пенни не осталось ничего другого, как гордо шагнуть под золоченые своды ресторана.

В вестибюле она тщетно пыталась привлечь внимание метрдотеля. Ее просто не замечали. Рядом вальяжно фланировали элегантные гости в ожидании такси и свободных столиков. В общем гомоне смеха и разговоров Пенни потерялась окончательно. Ее платье едва дотягивало до здешних стандартов. На бижутерию откровенно косились. Вновь потянуло развернуться и убежать, как от той чванливой дамочки в «Бонвит Теллер». Может, и правда податься домой? Там проложим алую роскошь папиросной бумагой, а утром вместе с фирменным чехлом вернем в магазин. И смирится, что мужчины разряда Максвелла не встречаются с девушками вроде нее.

Да и можно бы, не болтай она про свидание направо и налево. Теперь начнется: родители, соседки... Даже тот таксист сочтет ее лгуньей. А этого допустить нельзя. Ну хоть бы один светский хроникер ее заметил, хоть бы разочек щелкнул фотозатвор папарацци – и правда восторжествует! Гонимая этой мыслью, Пенни решительно направилась ко входу в банкетный зал. Вниз вела усталая ковровым лестница, и всякий вновь прибывший неизбежно оказывался под перекрестными взглядами многочисленной публики.

Стоя на верхней ступеньке, Пенни ощущала себя на краю высокого обрыва. Вперед манило будущее. Сзади напирала богатые и властные, блокируя путь к отступлению. Кто-то недвусмысленно громко прочистил глотку. В ресторане яблоку негде упасть, все места заняты. Из бельэтажа выглядывают менее

удачливые претенденты на столики. Пенни торчала у всех на виду, будто угодила на сцену.

В середине зала сидел одинокий посетитель. Огни люстры зайчиками скакали в его светлой шевелюре. Мужчина коротал время, делая пометки серебряной ручкой в блокноте.

Чье-то горячее дыхание защекотало девичье ухо, зашелестели слова:

– Мисс?

Говоривший громко фыркнул.

Весь ресторан не сводил глаз с блондина, но в чисто нью-йоркской манере: украдкой, поверх раскрытых меню. Ловили его отражение в полированном серебре лопаточек для масла.

Тот же голос за плечом добавил, на сей раз настойчивее:

– Попрошу не загораживать проход. Соблаговолите посторониться.

Похолодев, Пенни молила, чтобы одинокий гость заметил ее. Оценил, какая она красивая.

Очередь за спиной недовольно загудела. Пенни не могла двинуться с места. Придется кому-то – швейцару, парковщику – брать ее на руки и выносить за дверь, как мешок с картошкой.

Наконец блондин оторвался от блокнота, встретился глазами с Пенни. Народ хором проследил за его взглядом. Мужчина поднялся, и гомон моментально стих. Слово взмыл невидимый занавес, призывая любителей оперы к молчанию.

Не отрывая глаз от гостыи, блондин пересек зал и взошел по лестнице. В двух ступеньках остановился, протянул руку. Ситуация в офисе повторялась с точностью до наоборот: теперь сверху оказалась Пенни.

Пальцы, стиснувшие ее ладонь, были по-прежнему холодными на ощупь.

Дальнейшее происходило как на развороте «Нэшнл инкуайрер»: К. Линус Максвелл в роли галантного эскорта. Точь-в-точь как это было с ее шикарными предшественницами. Помогает сойти в зал. Ведет мимо притихшей публики. Любезно отодвигает стул, усаживает, сам устраивается напротив и захлопывает блокнот.

Лишь тогда гул в зале потихоньку возобновился.

– Спасибо, что почтили меня своим присутствием, – поблагодарил Максвелл. – Выглядите просто потрясающе.

И Пенни впервые поверила, что достойна комплимента.

Затем ее визави подался вперед и стремительно замахнулся, как для пощечины. Пенни невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, перед ней, едва не касаясь носа костяшками, висел кулачище.

– Простите, если напугал; по-моему, она попалась.

Разжав пальцы, Корни Максвелл продемонстрировал раздавленный мушиный трупик.

Следующим утром Пенни стояла под дверями «Бонвит Теллер» уже за полчаса до открытия; она не могла позволить себе даже однодневный процент по кредиту за вчерашний наряд. Платье необходимо вернуть хотя бы и ценой опоздания на работу.

В сказках Золушка не бежит спозаранку возвращать обновку с туфельками, заодно поживаясь от страха, что некий бдительный продавец выявит изъян и откажется принимать товар обратно.

Несмотря на сказочные яства и вина, особым волшебством на ужине не пахло. На них продолжали пялить глаза. Поди попробуй расслабиться и отдохнуть, когда сидишь как в аквариуме. И дело вовсе не в Максвелле: тот был заботлив – временами даже чересчур: слушал с интересом, иногда открывал блокнот и ломкой, паучьей скорописью делал пометки, словно конспектировал. Не

романтический ужин, а скорее собеседование в особо неформальной обстановке. О себе кавалер говорил скупко, не добавив ничего, о чем бы уже не писалось в «желтой прессе». Зато Пенни на нервной почве болтала без умолку и, будто страшась пауз, заполняла их рассказами о родителях – Миртл и Артуре, типичных обитателях пригородной жилой застройки. Пустилась в воспоминания о студенческой юности, поведала про своего обожаемого питомца, скотч-терьера Димпи, и его безвременной кончине в прошлом году.

Максвелл слушал сбивчивый монолог с вежливой улыбкой. Спасибо официантам, чье периодическое появление давало Пенни небольшую передышку.

– С позволения мадам... – официант грациозно повел рукой, затянутой в белую перчатку, – очень рекомендую наши фирменные суси коббсира.

Пенни победно улыбнулась:

– Звучит заманчиво.

Максвелл вопросительно поднял бровь:

– Вы ведь знаете, что это сырые гребешки аоя?ги?

Нет, этого она не знала. Более того, Максвелл, сам того не подозревая, спас ей жизнь. У Пенни была чудовищная аллергия на моллюсков. Один сочный кусочек фирменного блюда – и лежать бы ее раздутому трупу на полу. Видя, что спутница встревожена, Максвелл мгновенно сориентировался, заявив:

– Принесите даме куриную запеканку с брокколи.

Слава богу, хоть кому-то не наплевать. Изо рта вновь полился бессвязный рассказ.

Она понимала, что выглядит глупо, но остановиться не могла. Впервые на нее обратили внимание, по крайней мере в Нью-Йорке. Здесь, вдали от дома, родительские чаяния сменились ее личным беспросветным отчаянием. Вечерами Пенни отправлялась блуждать по окрестностям и ходила до тех пор, пока город не засыпал, а ноги не начинали гудеть от усталости. Она бродила по Верхнему

Ист-Сайду, мимо дремавших домов с недремлющими швейцарами, чей взгляд провожал ее из роскошных вестибюлей. Горделивые здания, шикарные апартаменты, предел мечтаний всех и каждого. Можно сказать, Пенни пыталась внушить себе, что вожделеет того же. Потому как на деле все было не так. Она лишь притворялась, что хочет бриллианты от «Картье» и меха с витрин «Блумингдейла».

Ее не прельщали атрибуты успеха. Нет, Пенни жаждала настоящей власти, хотя и сама полагала свои амбиции бредовыми.

Вдобавок ее не интересовало ничего из того, что хотелось прочим женщинам. В них словно бес вселялся, заставляя роем гоняться за мирскими благами. И это тревожило, вынуждало ощущать себя пчелкой-отщепенкой, которой заказан доступ в некий улей. Если девушка ровно дышит к героям киноэкрана и ароматическим свечкам, с ней, похоже, что-то не так.

Изо дня в день она наблюдала, как адвокатессы или властные бизнес-руководительницы яростно терзают мобильники, твякают приказы в трубку – и все без тени прогрессивных устремлений, эдакой просвещенности. С известных пор их карьера утратила ореол уникальности. Пенни же стремилась выйти за рамки рефлексивных условностей, навязываемых текущей гендерной политикой.

За десертом Пенни Харриган призналась, что сама не знает, чего хочет.

Адвокатура не была пределом ее мечтаний. В подростковом возрасте все – родители, учителя, исповедник – наперебой внушали ей, что человеку необходима цель и план ее достижения. Главное – чему-то себя посвятить. Карьеру адвоката она выбрала наугад, вытянула вслепую, как фант из шляпы. Если оставить в стороне Хайнд с ее президентством, карьера адвокатессы вдохновляла не больше, чем перспектива щеголять в собольем манто, ведя на поводке двух афганских борзых с бриллиантовыми ошейниками на Верди в Метрополитен-опера. Нет, положила руку на сердце, призналась Пенни, она не знает, чего хочет, зато ей известно другое: ее ждет некая поистине славная судьба, причем очень скоро.

Максвелл не стал расспрашивать да уточнять, однако слушал внимательно. Вглядывался в нее, будто запоминая. В перерыве между закусками и салатом он снова достал блокнотик, в котором делал пометки перед ее приходом, и открыл

его на чистой странице. Снял серебряный колпачок с авторучки и принялся записывать – по всей видимости, ее страхи. Наверняка не скажешь: слишком мелким, почти микроскопическим был почерк. Непрерывная писанина выдавала в Максвелле либо отъявленного хама, либо человека на редкость чуткого и отзывчивого.

Сам факт, что за ней конспектировали, заставлял стесняться, но остановить поток откровений не мог: словно прорвало шлюз. Пенни впервые призналась кому-то, что жизнь застопорилась. Прожив двадцать пять лет паинькой-отличницей, она вдруг угодила в чудовищный тупик. Исчерпала свой внутренний потенциал. Пенни все говорила и говорила, хотя понимала, что им с Максвеллом вряд ли суждено встретиться снова. Лучшего исповедника и желать нельзя.

Напряжение наконец спало. Под пристальным взглядом мужчины Пенни расцвела. Похорошела. Осмелев от его внимания, качала головой, чтобы затанцевали сережки. Томно прижимала руку к груди, касаясь кончиками пальцев вьющегося нефритового дракона. Украшения напоминали, как ей повезло с подругами.

Голубые глаза Максвелла неотступно следили за каждым ее жестом. Он улыбался и не перебивал. Не отрывая встречного взгляда, он тем не менее продолжал строчить в блокноте.

Максвелл выглядел чуть ли не влюбленным. И не из-за минутной вспышки страсти. Любовь с первого взгляда тут тоже ни при чем. Нет, его явно очаровывал звук ее голоса. Он подавался вперед всем корпусом, будто целую жизнь искал только ее и теперь нашел.

Вот какого внимания Пенни хотела от мира. Чтобы повсюду ее знали и любили. О чем и не замедлила объявить. Вопрос лишь, как добиться всенародного признания. Для этого требовался учитель, наставник – словом, тот, кто поможет ей раскрыться.

Стоя перед запертой дверью бутика, Пенни специально держала фирменный чехол с платьем повыше, чтобы ненароком не подмести тротуар. Перед глазами одно за другим проплывали все те изысканные блюда, насладиться которыми ей так и не довелось. Уж слишком она боялась посадить пятно. Одно неловкое

движение – и потом пять лет будешь расплачиваться за собственную неуклюжесть.

Когда привратник в «Бонвит Теллер» щелкнул замком, Пенни бросилась в знакомый отдел, где стояла та самая продавщица, что обслуживала ее меньше суток назад. Протянув чехол, Пенни собрала волю в кулак и отчеканила:

– Оформите, пожалуйста, возврат.

Продавщица положила вещь на прилавок, расстегнула «молнию» и принялась изучать атласные складки.

– Понимаете, дома примерила, – Пенни досадливо взмахнула рукой, – ну совсем не то.

Продавщица встряхнула и разгладила подол, тщательно осмотрела швы.

– Только примерили и все? – уточнила она.

– Да, – откликнулась Пенни, покрывшись испариной. Вдруг ее изобличит затяжка или следы пота?

– Вы уверены? Может, все-таки сходили куда-то на ужин? – без улыбки наседала та.

Ну точно – нашла винное пятно! Или каплю шоколадного мусса. А может, унюхала табачный дым или парфюм. Возможно, всему виной воображение, но Пенни вдруг почудилось, что магазин битком набит людьми, и все – от посетителей до продавцов и последнего охранника – прислушиваются к их разговору.

– Уверена, – не сдавалась Пенни, хотя внутри все помертвело.

– И в «Ше ромен» не надевали?

– Нет, – пискнула девушка.

Продавщица подарила ей суровый взгляд.

– Хотела бы вам кое-что показать. – Убрав платье обратно в чехол, она порылась под прилавком и достала свежий выпуск «Нью-Йорк пост». «Ботаник раскрывает Доткомовскую Золушку», гласил заголовок.

По соседству с громадными буквами помещалась цветная фотография: Пенни с Максвеллом за столиком. Напротив друг друга. Локтем к локтю. Тут не отопрешься, платье она надевала.

– Позволю себе заметить, мисс, – проговорила продавщица тоном, не сулящим ничего хорошего, – это совершенно неприемлемо!

Все, попалась! Пенни быстренько подсчитала в уме. С учетом цены и текущего процента по кредиту, за платье удастся расплатиться годам эдак к сорока.

– За такую рекламу, – строго выговаривала продавщица, – «Дольче и Габбана» сами должны вам приплачивать. – Перегнувшись через стойку, она перешла на заговорщицкий шепот: – «Прада». «Фенди». «Гермес». Да они в очередь на вас выстроятся! – Залихватское подмигивание. – Ничего, не волнуйтесь, я все устрою. Свяжусь с кем надо, так что, если планируете и впредь встречаться с мистером Максвеллом, эти бренды вас озолотят.

Гм, заманчиво, но есть нюанс: хоть Максвелл и попросил номер ее телефона, жизненный опыт Пенни списывал это на банальную вежливость. Второе свидание не гарантировано. Никто ничего не обещал. Пенни не стала произносить это вслух, но еще не известно, свидятся ли они вновь.

Оглянувшись по сторонам, девушка отметила, что со всего бутика к ней потянулся народ. Мужчины. Женщины. Кто в униформе, кто в норковых шубках. И все как один со свежим номером «Пост» и сияющей физиономией.

Даже продавщица, еще вчера столь недружелюбная, нынче застенчиво улыбалась. Глазки у нее оживились, заиграли искорками. Она со вздохом прижала руку к груди, словно успокаивала взволнованное сердечко, и промолвила:

– Бога ради, простите за бестактность, но... – зардевшись под толстым слоем косметики, протянула Пенни газету. – Можно автограф для моей дочки?

К. Линус Максвелл не позвонил ни на следующий день, ни после. Так прошла неделя.

Вернувшись на работу, Пенни только отмахнулась от восторженных расспросов Моник, а сама тем же вечером отправилась в местный филиал «Чейз Манхэттен», где арендовала банковскую ячейку. Замок отпирался двумя ключами. Банковский клерк вставил свой, повернул и, дождавшись, когда Пенни повторит процедуру, вышел, оставив ее наедине с металлическим ящичком. Опасливо оглядевшись, она вытащила из сумочки крошечный розовый предмет, сунула в ящик и быстро заперла. Вызвала клерка. Теперь ее товарки со сверхразвитым коммунальным менталитетом не позаимствуют диафрагму.

Дома она вернула подругам сережки и кулон. Когда мобильник Пенни реагировал на входящий звонок или эсэмэску, Гуань Ци и Эсперанса выжидающе замирали. Но всякий раз это оказывались родители. Или продавщица из «Бонвит Теллер» уведомляла, что выбила для новой Золушки умопомрачительный наряд от Александра Маккуина и пару шпилек от Стеллы Маккартни.

Стоя в кассу в супермаркете, Пенни старалась смотреть на свое мороженое, а не на орущие заголовки таблоидов, мол, «Золушка получила отставку!». Назавтра в газетах появилась ее фотография: «Отвергнутая Золушка заедает стресс пломбиром!» Чистый сюр. Торчишь тут как дура с мороженым и вдруг видишь себя же вчерашнюю с таким же ведерком. Но самое дикое: если верить свежим снимкам, она и впрямь пополнила! В магазине ее уже знали в лицо, норовили похлопать по плечу, чтобы как-то утешить. Кассирша отказывалась брать деньги: «За счет заведения, милочка». Стать объектом жалости в Нью-Йорке – городе, в принципе не знающем жалости... Докатилась, что и говорить.

Спустя несколько дней перестали сходитья штаны – дала о себе знать утешающая, к тому же дармовая еда. И вот почему ее так удивило приглашение Тэда отобедать в «Русском самоваре». Устроившись в уединенной кабинке среди претенциозного антуража, Тэд развлекал ее байками про охоту за девичьими трусиками в Йеле и в деталях изложил свою биографию, явно понимая, до чего сильно проигрывает на фоне ее недавнего ухажера-миллиардера. Пытался

хвастаться спортивными достижениями – дескать, стал капитаном студенческой гребной команды – и даже предъявил доказательство: изумрудную фуфайку с логотипом университета. Зануда, сил нет, но Пенни была ему благодарна. Его трескотня отвлекала от мрачных дум про публичное унижение и разбитые надежды. Если приглядеться, Тэд вполне симпатичный – лучше невзрачного блондинистого Макса, – вдобавок есть шанс, что какой-нибудь залетный репортер из «Пост» их щелкнет и опубликует снимок под заголовком «Золушка наносит ответный удар!».

К своему вящему изумлению, Пенни вдруг заметила, что держит Тэда за руку. Кадр наплывом: сплетенные пальцы на фоне белоснежной льняной скатерти. Если поначалу ей только хотелось создать видимость романа в расчете на зевак, то теперь... Творилось нечто волшебное. В воздухе поплыли флюиды. Проскочили искры. С треском. Из ладони в ладонь. А не сбегать ли к ячейке, пока банк не закрылся?..

Пенни не была ханжой, блюстительницей нравов, цокающей язычком. Не считала секс до свадьбы греховным... просто не видела особых преимуществ в безразборчивых половых отношениях. Готовя курсовую работу по гендерным исследованиям, она узнала, что оргазм недоступен тридцати процентам женщин, и она, судя по всему, попадает в их число. К счастью, в жизни есть и другие радости. Латиноамериканский джаз, к примеру. Мороженое. Фильмы с Томом Беренджером. Глупо гоняться за недостижимым удовольствием, рискуя заработать герпес, вагинальные бородавки, гепатит, ВИЧ или нежелательную беременность.

Однако пальцы Тэда пахли так приятно. Как же она ошибалась на его счет! Амбициозный молодой адвокат жаждал ее, а не Моник. Об этом говорили его глаза. Может, и на сексе поторопилась поставить крест? Может, все дело в правильном партнере?

– Пенни... – запинаясь, промолвил Тэд.

– Да-да. – Она нервно сглотнула и, чтобы успокоиться, перевела застенчивый взгляд на хлебную корзинку с сырными хрустичками, а когда снова подняла глаза, повторила: – Да, Тэд?

Он крепче стиснул ей руку. Тэд и его головастик. Под конец их незамысловатого обеда на нее вдруг повеяло тем, чего так не хватало роскошному ужину в «Ше ромен»: страстью знойной и откровенно эротической.

В сумочке проснулся глубоко запрятанный мобильник, выбивая из настроения.

– Пенни, – продолжал Тэд, – я давно хотел сказать...

Навязчивое пикиканье не унималось. Пенни старалась не обращать внимания. Все ее тело напряглось.

Тэд, похоже, наконец набрался храбрости.

– Если ты больше не встречаешься... – Он вытянул губы гузкой и подался ближе. Ну совсем близко. Пенни чувствовала его дыхание, отдающее телятиной а-ля князь Орлофф.

От поцелуя Пенни увильнула. Проигнорировать этот звонок было невозможно.

– Извини, – сухо бросила она, доставая телефон.

Судя по рингтону, звонил Макс.

Это просто несправедливо. Как вы не поймете, пылко внушала Пенни всем и каждому, что К. Линус Максвелл не какой-нибудь компьютерный ботан, только и умеющий разбираться в Интернете. Он глава транснационального концерна, мирового лидера в сфере сетевых технологий, спутниковых телекоммуникаций и онлайн-банкинга. Не допуская возражения тоном рассказывала Моник о максвелловых предприятиях, где занят миллион людей с хвостиком, а клиентов у них в сотни раз больше. Из года в год его благотворительный фонд жертвовал по миллиарду долларов на каждый из глобальных проектов по борьбе с голодом, онкологией и защитой прав женщин. Ситуация с президентством Хайнд лишний раз подтверждала, что Максвелл особенно радел за равенство полов. Он основал ряд школ в Пакистане и Афганистане, чтобы дать тамошним девушкам шанс на светлое будущее. Финансировал политические кампании по всему миру, помогая занимать ведущие посты тем женщинам, кто обладал лидерскими качествами.

Именно самоотверженность и альтруизм отличали Максвелла от прочих денежных мешков, убеждала всех Пенни.

Себе же говорила, что рядом с ним счастлива.

Говорила, да самой себе не верила.

На работе Моник приперла ее к стенке.

– Омаха, ты пользуешься диафрагмой? – тряхнула она головой, отчего забряцали унизанные бусинками дреды. И, не дожидаясь ответа, продолжала: – Если пользуешься, вытаскивай к чертям! Сожги и смой в унитазе! Дай мужику себя обрюхатить!

Пенни промолчала, но на самом деле после месяца встреч они с Максвеллом так и не переспали.

Вдобавок родители повадились звонить ей именно по ночам. Наверное, надеялись застукать с поличным.

– Который час? – сонно бормотала она.

По межгороду доносился требовательный голос матери:

– Ну почему ты его не любишь? Такие богачи на дороге не валяются!

– Хотя бы притворилась, что любишь, – не отставал отец по смежному телефону.

– Мы лично не знакомы с мистером Максвеллом, но уже считаем его частью семьи, – щебетала мать.

Пенни повесила трубку, выдернула телефонный шнур из розетки и откинулась на подушку. В таком деле спешить нельзя. Сколько ее подруг прогулялись к алтарю, а теперь влачат унылое существование с добровольно-принудительным отправлением супружеского долга. Как при пожизненном сроке, когда свидания со второй половиной можно по пальцам сосчитать. Не важно, в богатстве или в бедности, обоудная страсть – вот залог счастливой семьи.

Пенни не давала покоя мысль, что все предыдущие романы Максвелла длились почему-то по сто тридцать шесть дней. Едва ли это совпадение. Именно сто тридцать шесть, ни днем больше, ни днем меньше.

И наконец, Максвелл сам не торопился загнать ее в койку. Неизменно вежливый, галантный, но вечно отстраненный. Пенни даже начала сомневаться, не покривила ли Алуэтта душой, назвав его лучшим любовником. Наверняка у французской красавицы бывали мужчины и получше, по-настоящему горячие и страстные самцы. А вот Максвелла неумоимо-напористым не назовешь. На каждом свидании он только и делал, что смотрел, слушал да строчил в блокнотике. На яхтенных вечеринках незнакомые женщины злобно тарасились на его спутницу. Костлявые и прямые как скалка супермодели фыркали при виде ее нормальных, человеческих бедер. Недоуменно качали своими муравьиными головками со вздернутыми скулами. Мужчины плотоядно облизывались, решив, надо думать, что Пенни околдовала Максвелла особыми сексуальными талантами. В нескромных взглядах читались сцены разнузданной содомии, перемежаемой контрапунктными аккордами из орального секса. Вот бы народ подивился, узнав, что богатейший человек на свете приглашал ее покататься на лыжах в Берн, на бои быков в Мадрид и ни разу – в постель.

* * *

На момент встречи с Максвеллом Пенни не была девственницей. В колледже ей доводилось заниматься сексом. Но она никогда не заводила нескольких бойфрендов параллельно. И делала это только с парнями. И только не сзади! Она, во-первых, не извращенка, во-вторых, не шлюшка. Ее партнерами по большей части оказывались ребята из «Сигма хи», которые, в подражание галантным кавалерам, распахивали перед ней дверцу автомобиля, покупали крошечные букетики орхидей – бр-р! холодные! – и не менее ледяными, трясущимися пальцами прикалывали их к корсажу ее платья. Вдобавок каждый мнил себя прирожденным танцором и настоящим героем по части постельных подвигов. Однако на деле их танцевальные навыки ограничивались подскоками на месте, хотя между простынями эти самцы действительно наводили на мысль о документальных съемках из «Мира животных». Про макак, тыкающих палкой в муравейник.

Итак, секс у Пенни был, только оргазма не было. Настоящего, до слез и судорог, того самого, от которого сводит челюсти и о котором все время пишут в

«Космополитене».

Да, окончив юридический колледж, Пенни не была девственницей, но это тоже не повод расслабляться.

В Париже, во время эксклюзивного суаре на верхней площадке Эйфелевой башни, ей довелось лично пообщаться с Алуэттой д'Амбрози. На частном сверхзвуковом самолете до Парижа не дальше, чем до центра Манхэттена. Максвелл мог в любой момент увезти ее на другой конец света просто пообедать, но к полуночи неизменно возвращал в убогую квартирку на Джексон-Хайтс. Когда из вечера в вечер на светских тусовках и премьерах видишь одни и те же брезгливые или похотливые физиономии так называемых сливок общества, мир кажется еще теснее. Даже на вершине Эйфелевой башни, когда у твоих ног распростерся сияющий Париж, Пенни лишь потягивала шампанское, робея перед сильными мира сего. Хотя ночь выдалась теплой, девушка мерзла в открытом платье от Веры Вонг. Максвелл, обычно столь заботливый, был вынужден куда-то отлучиться, и теперь ее сверлил чей-то враждебный взгляд. Посмотрев по сторонам, Пенни поняла, что не ошиблась: сдвоенным лазером ее жгли зрачки знаменитой актрисы, четырехкратной лауреатки премии Американской академии киноискусств. В нынешнем году она получила очередную номинацию, и через несколько недель ее ждал пятый «Оскар». Именно эту женщину Пенни видела размноженной на экранчиках сотовых телефонов.

Назревала схватка! Гости жадно наблюдали, как актриса подбирается к сопернице, описывая хищные круги вокруг добычи. Обтягивающий костюм из обливной черной кожи придавал ей сходство с пантерой. Изящные ноздри трепетали. Сквозь оскаленные зубы вырывалось змеиное шипение.

Продавщица из «Бонвит Теллер» сдержала обещание: свела Пенни с ведущими кутюрье, и те наряжали ее как куколку, однако по сравнению с приближающейся сердцеедкой девушка чувствовала себя бомжихой. Как всегда, потянуло удрать с поля битвы. Только бы Максвелл поскорее вернулся! Вот Моник запросто отбилась бы от свирепой амазонки, да и Дженнифер Лопес и Пенелопа Крус наверняка сумели бы задать француженке хорошую трепку. Пенни же не нашла ничего лучше, как отвернуться и напрячься в ожидании удара.

– Мышь серая, – раздался за спиной голос. Акцент резкий, отлично знакомый по множеству фильмов.

Острые коготки впились Пенни в плечо, вынуждая повернуться лицом. До невозможности холеные черты искажала ненависть.

– Что, мышь, боишься? – Алуэтта д’Амбрози выпятила подбородок. – То-то же. Гляди мне.

Пенни покрепче вцепилась в фужер с шампанским. Ежели дойдет до драки, надо будет плеснуть актриске в глаза. И сразу ноги!

– Запомни, ни при каком раскладе... – Алуэтта погрозила ей тонким, идеально наманикюренным пальчиком, – ... не вздумай с ним спать. Поняла? Не вздумай!

Толпа разочарованно поджала губы, когда кинодива отвернулась и пошла прочь; народ расступался. Пока Алуэтта не скрылась за дверью лифта, никто не вымолвил и слова.

По всему выходило, что отвергнутая пассия ревнует. Французская богиня до сих пор влюблена. Пенни посмеялась про себя. Ей, самой заурядной Пенни Харриган, завидует мировой секс-символ.

Вернулся Максвелл. По обыкновению, устроился рядом и застрочил в блокноте. Ну что ты будешь делать...

– Ты в порядке? – спросил он, наконец заметив, что спутница обиженно молчит.

Та вкратце обрисовала пропущенную им сценку. Как Алуэтта подошла к ней, пригрозила. На бесстрастном лице Максвелла мелькнуло странное выражение. Такого Пенни еще не видела. Смесь гнева и... любви? Теплый ветерок шевелил его светлые волосы.

И Пенни не устояла. Виной ли тому физическое влечение или желание позлить Алуэтту, но ей вдруг страстно захотелось переспать с Максом. Она взяла его ладони в свои.

– Давай отложим вылет. – Пенни поднесла прохладную мужскую руку к губам и поцеловала. – Переночуем тут, а утром вернемся в Нью-Йорк.

Прикосновения Максвелла-любовника напоминали о визите к гинекологу. Акушерский циркуль, а не пальцы. То ли врач, то ли ученый; прощупывает, будто пульс замеряет. Время от времени он отрывался от нее, чтобы неразборчивой паучьей скорописью сделать очередную пометку.

Той ночью в Париже слегка подвыпившая, обнаженная Пенни впервые очутилась в постели Макса. Он уже стоял на коленках между ее раздвинутыми ногами.

На прикроватной тумбочке теснились всякие диковинки. Тут были граненые хрустальные флакончики, как из-под духов, наполненные неведомой жидкостью сочных оттенков. Словно гигантские рубины, топазы и изумруды, они рождали ассоциации с массивным сапфиром на шее Алуэтты д'Амбрози. Среди этих живописных склянок поблескивали простецкие мензурки и пробирки, из тех, что можно найти в школьном кабинете химии. Имелась также картонная коробка, где вместо бумажных салфеток лежали латексные перчатки; одна чуть топорщилась наготове – только потяни да надевай. Ассорти из презервативов в лабораторном стакане. Ну и конечно, записная книжка Макса. Куда без нее! Аппендикс романтического соития. Последним Пенни различила миниатюрный диктофон – в какие управленцы высшего звена на бегу надиктовывают свои мысли. На ближайшем к постели краю стояло шампанское.

Максвелл, казалось, и не замечал ни собственной эрекции, ни наготы Пенни в паре дюймов от себя. Свесившись с кровати, он первым делом налил вина в мерный цилиндр. Пш-ш-ш! – побежали розовые пузырьки. Надо же, розовое шампанское... Передав стаканчик Пенни, Макс поднял бутылку и провозгласил тост:

– За инновации и прогресс!

Каждый пригубил искристого напитка из своей посуды.

– Только не пей все, моя радость. – Он щелкнул пальцами, давая понять, что хочет стаканчик обратно. Плеснул туда еще вина, отставил бутылку. С великим тщанием принялся перебирать хрустальные флакончики, из кое-каких добавляя

по капле яркого сиропа; при этом взад-вперед листал страницы блокнота, точно сверялся с зашифрованным рецептом.

Ни на секунду не отрываясь от дела, Максвелл рассеянно бормотал:

– Люди такие наивные... Изучают все подряд, за исключением самого главного. – Губы сложились в кривую усмешку. – Я же посвятил себя исследованию тончайших нюансов чувственности. Черпал знания у врачей и анатомов, препарировал трупы – как мужские, так и женские, – чтобы понять механизм удовольствия.

Равномерно взбалтывая содержимое мерного цилиндра, Максвелл вопросительно нахмурился, взглянув на Пенни.

– Ты когда-нибудь испытывала оргазм?

– Конечно, – поспешно откликнулась она. Слишком поспешно. Чем и выдала себя с головой.

Усмехнувшись, Максвелл продолжил:

– Я пошел в ученики к величайшим секс-экспертам мира. – В его голосе не было и тени бахвальства. – Набирался знаний от тантрических шаманов в Марокко. Овладевал энергией кундалини. Консультировался у ведущих химиков-органиков по поводу коэффициентов трения для различных типов кожи.

Пенни скользнула взглядом по его обнаженному телу. Из «Нэшнл инкуайрер» она доподлинно знала, что магнату стукнуло сорок девять. По возрасту он годился ей в отцы, а худощавостью сложения напоминал насекомого. Конечности пропорциональные, четко вылепленные. Как у муравья или шершня. Над бледной безволосой кожей будто трудился умелый портной: ни морщин, ни складок. Плечи и руки без намеков на веснушки или родинки. Слушая про его творческий подход к сексу, Пенни ожидала увидеть колечки в сосках, грудь в наколках или шрамах после садо-мазо игрищ по обоюдному согласию. Ан нет. Лишь гладкая – словно у ребенка – кожа, обтягивающая не по-детски крепкие мускулы.

– Моя секретная рецептура, – объявил Максвелл, давая Пенни понюхать смесь игристого вина и загадочных ингредиентов в стаканчике.

Пузырьков поубавилось, а запах был сладкий, кондитерский. Как бы клубничный.

Пенни с сомнением покосилась на лабораторную посуду, полную жидкости.

– Мне нужно это пить?

– Скорее, нет.

Порывшись в тумбочке, Максвелл достал нечто похожее на брызгалку – красный яйцевидный предмет из губчатой резины размером с грейпфрут. На одном из концов устроено что-то вроде длинного носика из белого материала.

– Вагинальная спринцовка, – пояснил он и поднес инструмент ближе, чтобы можно было все рассмотреть в деталях. Показал, как отвинчивается носик – в резине, как выяснилось, имелась резьба, – потом заправил грушу розовой смесью из мерного цилиндра. Пока завинчивал носик обратно, до Пенни наконец доперло.

– Для промывания? – встревоженно уточнила она.

Макс кивнул.

Пенни заерзала на постели.

– Считаешь, у меня там недостаточно чисто?

Макс уже всю шевелил пальцами, расправляя каучуковые перчатки:

– Главное, чтобы на кожу не попало...

Пенни насторожилась.

– Расслабься. – Он тихо фыркнул. – Здесь очень щадящий нейростимулятор с «эликсиром блаженства». Тебе понравится.

И сунул носик ей между ног, водя по стенкам лона.

Скользнул глубже.

– Наслаждайся, – сказал он, надавливая на грушу. Процесс спринцевания пошел.

Пенни ощутила, как ее заполняет холодная шипучая пена.

Свободной рукой Макс не давал девушке шевельнуться, медленными круговыми движениями поглаживая живот. Все его тело было столь же холодным и твердым, как и пальцы.

Груша опустела; Максвелл извлек спринцовку и чистым мягким полотенцем подхватил несколько убежавших капель.

– Умница, – похвалил он. – Теперь поддержи это в себе с минуту. – Надорвав зубами пакетик с презервативом, он равномерно раскатал латекс до основания члена. – Все у тебя получается.

Пенни гнала прочь мысль, что титулованная президент Хайнд тоже подвергалась процедуре спринцевания волшебным шампанским.

По-прежнему пребывая между ее раздвинутыми коленками, Максвелл сказал:

– Я люблю тебя оттого, что ты самая типичная.

Если это комплимент, то ей доводилось слышать и получше.

– Да я не в обиду, – негромко продолжал он. – Даже наоборот. Смотри: у тебя влагилице как по учебнику. Большие половые губы полностью симметричны, а преанальный изгиб, капюшон клитора и уздечка малых половых губ – это... это... – Не найдя подходящих слов, Макс прижал ладонь к сердцу и глубоко вздохнул. – В биологическом смысле ординарность параметров не имеет цены. Пропорции твоих гениталий вкладываются в золотой стандарт.

Под его пристальным взглядом Пенни ощущала себя не женщиной, а научным биоматериалом. Морской свинкой.

Не подняла настроения и его следующая сентенция:

– Почти весь мировой рынок ориентирован на женщин твоей возрастной когорты и потребительской децили.

Не иначе как под влиянием таинственной смеси у Пенни возникло ощущение, что во рту один за другим тают зубы. За ними последовали голени и бедренные кости.

– Это обострит тебе впечатления. – Максвелл расставил колени, тем самым шире раздвигая ей ноги. Перед глазами замаячил эрегированный и зачехленный пенис.

Натягивая поверх первого презерватива второй, Максвелл неторопливо читал лекцию, попутно оглядывая склянки на тумбочке. Отыскав нужный флакончик, вытряхнул несколько капель чего-то прозрачно-тягучего себе на ладонь, прибавив к ним еще два ингредиента.

– У тебя слегка кислотный pH. Я подготовил лубрикант, в точности удовлетворяющий твоим индивидуальным эротическим потребностям.

Он принялся медленно втирать маслянистую смесь в вульву, стараясь не угодить пальцами слишком глубоко. Остатки размазал по своему половому органу.

Обмякнув тряпичной куклой, Пенни только хихикнула.

Макс снова потянулся к тумбочке. На сей раз в его руке очутился диктофон.

– С твоего разрешения, я запишу это совокупление для последующего анализа.

Приборчик сиял крошечным алым огоньком.

– Подопытная демонстрирует симптомы повышенной игривости, – диктовал Максвелл, – что свидетельствует об эффективности вагинального спринцевания.

С этими словами вскарабкался сверху и всадил свой отвердевший отросток, еще больше надавливая на жидкость внутри. С каждым толчком он проникал все глубже, взбалтывая и вспенивая смесь.

Пенни всхлипнула. Вскрикнула – от боли пополам с удовольствием.

Почувствовала, как из нее потекло; кровать вмиг стала мокрой. Жидкость внутри расширялась, заполняя все ее существо. Напрасно она корчилась, борясь с нарастающим ощущением. Наслаждение властно подчиняло себе все и вся, и Пенни поняла, почему так горевала и бесилась Алуэтта. Из чего бы ни состояла розовая субстанция, под напором бедер и члена Максвелла она медленно, но верно проникала в кровеносную систему. В расслабленных ногах возникло небывалое ощущение легкости, как будто паришь над землей. Следом невесомость перекинулась на руки. Кажется, даже грудь набухла. Сознание расширилось, силясь постигнуть неведомый прежде восторг.

Про самого Максвелла она почти забыла, а тот, неторопливо совершая фрикции, бесстрастно вглядывался в нее, отслеживая реакцию. Смочив слюной пальцы, он принялся крутить ей соски, сосредоточившись подстать «медвежатнику». Не сбиваясь с темпа, взял ручку и сделал очередную пометку в блокноте.

Он гладил и пощипывал внутреннюю поверхность бедер, не забывая про клитор; менял угол захода и периодичность толчков; в зависимости от эффекта варьировал глубину проникновения.

– Диафрагма таза подопытной расслаблена до предела, – сообщил Максвелл диктофону.

Рукой в перчатке залез ей под поясницу и, как слепой с брайлевским текстом, принялся выщупывать позвоночник. Найдя наконец нужную точку, его пальцы усилили нажим.

– Объясняю специально для тебя, – сказал он. – Сейчас я осуществляю компрессионный массаж антериальной артерии Гибберта подушечками двух пальцев. Этой незамысловатой тантрической технике меня обучил йог в Шри-Ланке. – Максвелл вещал тоном опытного гида: непринужденно и чуть

снисходительно. – Ограничивая глубинный приток крови к паху, я понижаю чувствительность клитора.

Работал он уверенно, даже не глядя. Его пальцы знали свое дело.

– В этом процессе существенно важна обратная связь, сиречь твоя реакция. – Голос в ушах звучал смазанно, и Пенни стоило огромных усилий сосредоточиться. – Поняла? Кивни, если поняла.

Пенни повиновалась.

– Теперь приготовься. Это не страшно. Главное, не бойся кричать. Дай наслаждению выйти наружу. – Максвелл вдруг посуровел. – Учти, если сдерживаться, можно умереть.

Вновь кивок. Пенни почти утратила ощущение реальности. Удовольствие затопило ее, не осталось ни прошлого, ни будущего. Ничего, кроме щемящего чувства восторга.

– Сейчас я ослаблю давление, кровь хлынет в урис майор, и ты испытаешь такие эмоции, о каких и мечтать не смела. – После сего уведомления Максвелл убрал руку с ее позвоночника. Что-то – нечто – яркое и колоссальное вспыхнуло у нее внутри.

– Ори! – скомандовал он. – Не сдерживай экстаз! Не будь тупой ханжой, Пенни. Ори давай!

Но у Пенни не получалось. В глотке скопился поток терминов из народной анатомии, однако она упрямо стискивала зубы. Судорожно задергались руки и ноги. Из рта норовил хлынуть животный визг с площадной бранью, а диктофончик-то пишет. Пенни подавила вопль. Холодная ладонь легла ей на шею.

– У подопытной учащенный и неровный пульс, – обратился Максвелл к диктофону. – Респираторная функция выражена слабо, налицо все признаки погружения в эротически индуцированную кому.

Пенни чувствовала, что умирает. Поле зрения заодно с Максвеллом подернулось по краям темным инеем.

Он опять сунулся к тумбочке. Надавил на веко скользким от хирургического латекса пальцем и посветил фонариком-авторучкой в зрачок.

– Дилатация заторможена! – объявил он, не прекращая при этом возвратно-поступательного, безжалостного движения своих чресл.

– Все на свете – кино, музыка, картины – создано с расчетом на то, чтобы нами манипулировать, чтобы нас возбуждать, – рассуждал Максвелл. Облизнув два пальца, он принялся пощипывать ее набухшую слизистую. Все эти мелкие, сноровистые приемчики заполняли Пенни новым удовольствием, словно тряпкой стирая мысли. – Дизайнерские наркотики создают по тому же принципу, – продолжал он. – Спрашивается, чем хуже секс?

Пенни трясло как на электрическом стуле. Она сучила конечностями будто припадочная марионетка. Язык вывалился изо рта.

– Держись, – строгим, менторским тоном потребовал Максвелл. – У тебя шок.

Что-то коснулось ее лба.

– Температура подопытной падает... Девяносто восемь с половиной градусов... девяносто семь с половиной [2 - 36,9 и 36,4 градуса Цельсия].

«Что-то» оказалось височным термометром. Ко рту прижались холодные губы. Максвелл. Чужое тепловатое дыхание проникло в нее, надувая легкие.

– Подопытная не дышит.

Его дыхание снова наполнило ее изнутри. Как и член.

– Приступаю к реанимации объекта.

Всю дорогу Пенни смутно чувствовала, как ее обрабатывают долгими, размеренными толчками.

Максвелл проверил пульс на шее.

– Дыши через меня. Я вдуваю, и ты на этом воздухе даешь крику продраться. Побольше эмоций, – посоветовал он и ровным, безучастным голосом добавил: – Не умирай. Тебя ждет еще уйма наслаждения...

Теперь понятно, почему таблоиды прозвали его Вклинусом.

В ту ночь Пенни первый и последний раз видела Максвелла голым. Впереди и впрямь ждало немало секса – иногда даже чересчур, – но без непосредственного участия его половых органов.

Едва Максвелл удалился в ванную, Пенни схватила диктофон и перемотала запись в надежде найти свой истошный вопль. Найти и стереть. Тех звуков, что лились у нее изо рта, она отродясь не слышала. Так орут разве что одержимые. Юродивые. Голос ничуть не походил на ее собственный; он принадлежал дикому зверю, воющему в брачный период на первобытную луну.

Если верить Вклинусу, этот животный выплеск и спас ей жизнь. Разрядил напряжение смертельно опасного оргазма, дал ему пройти сквозь тело без ущерба здоровью. Женщина, внушал он, не сосуд, а проводник. Чтобы выжить, нужно пропускать все через себя.

В перерывах между секс-марафонами, где на финише ждал мозгодробительный оргазм, Максвелл вел эротический ликбез. Орудуюя мокрым пальцем, буднично пояснял:

– Здесь у тебя мочеиспускательный канал, а здесь... – он чуть изменил угол касания, – здесь находится уретральная губка, именуемая точкой Грэфенберга. Точка Джи.

От гуляющих пальцев по телу пробегала дрожь.

Смазав ладони красноватым гелем с розовой отдушкой, Максвелл погрузил два пальца во влагалище.

– А теперь я массирую заднюю стенку вагинального купола...

Надо думать, так и есть, хотя и не видно, чего он там вытворяет. Как бы то ни было, Пенни трясло и лихорадило от неконтролируемых эмоций. Чем бы ни занимался Макс, она лишь глубже насаживалась ему на руку, требуя еще и еще.

– Вот это, – продолжал он, – перинеальная губка, участок эректильной ткани, соединяющийся с клитором через срамной нерв.

Даже не глядя, Пенни знала, что клитор стремительно твердеет, набухнув до болезненности и зуда.

Массируя загадочный купол, Максвелл использовал его чуть ли не в роли дистанционного пульта управления.

– Именно перинеальная губка позволяет женщинам достигать оргазма при анальном сексе. – Он просунул третий палец, четвертый. – Умница. Смотри, как раскрылась твоя вагина.

Далее последовал рассказ о том, как своды возбужденного влагалища растягиваются, заставляя раскрыться зев матки. Сейчас ладонь вошла уже полностью.

Бросив взгляд себе между ног, Пенни увидела лишь гладкое, обтянутое бледной кожей запястье. От этого зрелища потянуло замычать.

Взгляд Максвелла расфокусировался, стал задумчивым, рука же уверенно исследовала потайной мир.

– А, ну вот, шейка матки, – наконец кивнул он. – Если приложить равномерно распределенное давление...

Пенни непроизвольно зажала кулаком рот и, поскуливая, прикусила фалангу. Зажмурилась от стыда, чувствуя, как глубоко в гортани нарастает хныканье. Ужас, до чего можно довести человека. Выбить за любые рамки рационального контроля. Даже страшно становится: а вдруг инфаркт? И пусть, пусть инфаркт, лишь бы вот это длилось вечно...

В тоне его голоса читалось удивление и восхищение:

- Феноменально. У тебя всегда столь обильная секреция?

Она робко приоткрыла глаза. Из отверстия над влагалищем прыснул мерцающий фонтанчик и, оросив Максвеллу руку по локоть, залил кровать.

- Прости, - смущенно пролепетала Пенни.

- За что? - поинтересовался Макс, вращая рукой в недрах.

- Я на тебя написала...

Он расхохотался. Свободной рукой взял капельку жидкости, растер между пальцами, понюхал, лизнул и торжественно провозгласил:

- Энзимы. Выделяются из парауретральных желез Скина через мочеиспускательный канал, в обход влагалища. - Он поднес мокрые пальцы к ее рту. - Хочешь попробовать себя на вкус?

Даже корчась и урча, Пенни не могла решиться на такое. Этого от нее и не требовалось.

Максвелл силой впихнул пальцы ей в глотку. Пенни давилась, задыхалась. На вкус продукт ее чувственности оказался солоноватым и отдавал металлом. На миг, занявший вечность, она лишилась дара речи, а также дыхания.

- Ты ведь говорила, что пользуешься диафрагмой? - укоризненно заметил Максвелл.

Вообще-то диафрагма осталась в Джексон-Хайтс, в надежно защищенной банковской ячейке. Пенни вовсе не пыталась забеременеть; просто не ожидала, что сегодня может быть секс.

Наконец пальцы покинули ее рот, открывая доступ воздуху.

– Даже не пытайтесь провести меня, мисс Харриган. – Пальцы по-прежнему сновали у нее внутри, исследуя географию потайного мира. – Если я когда-нибудь женюсь, то исключительно по любви. А вазэктомия мне уже несколько лет как сделали.

Пенни хотела все объяснить, но не нашла сил. Она лишь молча откинулась на подушки, погружаясь в удовольствие, пока мужские пальцы теребили ей клитор. Максвелл рассказывал про клиторальный черенок. Мягко надавливая, прошелся вдоль него пальцами до того места, где тот раздваивался на две ножки, именуемые в анатомии крура. От латинского слова крус, свая. Эти сваи, пояснил он, расходятся по обе стороны от влагалища.

Последовала долгая сложная лекция о неведомом крае, где Пенни сроду не доводилось бывать. Историческая справка о мире в ее недрах.

Максвелл поведал, как врачей со времен Гиппократов вплоть до тридцатых годов двадцатого столетия целенаправленно учили доводить пациенток до «пароксизма восторга». Используя лишь пальцы и масла, доктора и повитухи лечили истерики, бессонницу, депрессию и еще ряд заболеваний, характерных для слабого пола. Назывались эти напасти префокацио матрицис, или «удушьё матки». Вот почему даже великий Гален рекомендовал старательно стимулировать матку до основательного выделения жидкости.

Мало того! По словам Максвелла, первыми бытовыми электроприборами были именно вибраторы. В далеком 1893 году некто Мортимер Гранвилль сколотил себе состояние, когда изобрел вибратор на батарейках. Широкий ассортимент таких секс-игрушек активно продавался через массовые журналы и торговые каталоги «Сирс и Роубак». Лишь после появления в откровенном порно в двадцатые годы, вибраторы стали считаться чем-то постыдным.

Гален. Гиппократ. Амбруаз Паре. В голове путались имена и даты. На шестнадцатом веке Пенни погрузилась в сон. Ей привиделось, что она падает с вершины Эйфелевой башни. И столкнул ее Максвелл.

Когда она проснулась, Максвелла в постели не оказалось. Дверь в ванную была закрыта, оттуда доносился плеск.

Кто это сказал? Бетти Фридан или Глория Стайнем? Наверняка уже не вспомнить, но вроде кто-то из них писал про «секс нараспашку»: идеально удовлетворяющий – в физическом плане – половой акт без эмоциональной привязанности. Точь-в-точь как с Максвеллом. А также как после изматывающего приступа гриппа.

Вялость быстро сменялась неумемной прожорливостью. Они ели и трахались. Ели и трахались. На износ.

Да, теперь можно уверенно заявить: до сегодняшнего дня Пенни Харриган никогда не испытывала оргазма. Ничего похожего на то непередаваемое наслаждение, которое Максвелл извлекал из ее разгоряченного тела. Впервые пресловутые фейерверки и судороги, ссылками на которые пестрит «Космо», стали казаться не преувеличением, а наоборот.

– Нужно тебя побрить, – заметил Максвелл, поглаживая ей лобок. – Так мы уменьшим экспериментальную погрешность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Традиция американских вузов: перед зачислением в те или иные студенческие братства или «сестричества» первокурсники проходят обряд инициации, который может занимать от недели до месяца и более. В программу входит, например, устройство благотворительных мероприятий, зубрение «устава» на полуночных посиделках, неукоснительное соблюдение разных обязательств и

прочее. Практика далеко не однозначная, коль скоро дает простор ритуальным издевательствам. Названия же этим организациям принято давать греческими буквами – «Сигма хи», «Дзета дельта» и т. д. – согласно девизу, порой тайному. Например, у знаменитой «Фи бета каппа» девиз философия био кибернетес: «философия – путеводитель по жизни». – Здесь и далее примечания переводчика.

2

36,9 и 36,4 градуса Цельсия.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/chak-palanik/do-samyh-konchikov-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)